

С.Данилюк

СДЕЛАЙ СТАВКУ И - БЕГИ

Семён Данилюк
Сделай ставку и беги

«Accent Graphics communications»

2011

Данилюк С. А.

Сделай ставку и беги / С. А. Данилюк — «Accent Graphics communications», 2011

ISBN 978-0-9865383-7-7

Московский прозаик Семен Данилюк, автор романов «Банк», «Милицейская сага», «Бизнес-класс» и других. Кандидат юридических наук, работал в МВД оперуполномоченным, начальником следственного отдела, в 90-х годах – в крупном коммерческом банке. Он всегда пишет только о том, что хорошо знает. Не изменяет этому правилу и в новом романе «Сделай ставку и беги».

ISBN 978-0-9865383-7-7

© Данилюк С. А., 2011

© Accent Graphics
communications, 2011

Содержание

Книга первая	5
Битва над телом Патрокла	5
Коловращение судеб	15
Листопадово семя	23
Номенклатурный лопух Вадичка	25
Деньги из асфальта	30
В закромах Родины	43
На низком старте	60
Бильярдное сукно как предмет земельного права	64
Наш паровоз, вперед лети	69
Свободу Анджеле Дэвис!	74
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Семён Данилюк

Сделай ставку и беги

Книга первая

Плачу за всё

Прежнее время. Прежние люди. 1982-1988

Битва над телом Патрокла

Херувимчик лежал на асфальте, свернувшись калачиком и уютно подобрал под себя ноги. Тело его непрерывно содрогалось, и сам он постанывал в такт сотрясениям – тихо и немзыкально.

Херувимчика били. Не слишком элегантно, зато без затей, – толпой и ногами. Били добросовестно, но неумело. Поэтому сил оставалось полно. Можно было бы вскочить и шутя уйти на рывок – в жизни не догнали бы они чемпиона межшкольной олимпиады по бегу. Но как раз на рывок он не мог. И защищаться не мог. Потому что всего пять дней как вырезали из него гнойный, едва не прорвавшийся аппендикс. Соседи по палате только с коек вставать начали. А его к вечеру выкрали из больницы и привезли сюда, в загородный мотель «Тверь», на собственное семнадцатилетие.

И вот теперь он бессильно извивается в грязи, уворачиваясь от ударов. Что и говорить, – День рождения удался.

Хотя «выкрали» – сказано чересчур громко. Поздравить новорожденного в больницу заскочила соседка по подъезду двадцатилетняя Жанночка Чечет, которая вот уж второй год была предметом Антоновых воцелений и причиной ночных поллюций. Жанночка охотно кокетничала с хорошеньким Херувимчиком, которого сама же так и прозвала – то ли за юношеский румянец, то ли за стеснительность. Иногда снисходила до шуточного поцелуя. Но дальше пока не допускала. Правда, в последний год удерживать поклонника на дистанции ей стало не просто, – робкий Херувимчик незаметно возмужал до полноценного, требовательного Херувима.

Прямо с порога палаты словоохотливая Жанночка сообщила, что забежала буквально на минутку, а вообще-то торопится в загородный мотель, где накануне познакомилась с двумя классными парнями. Услышав про парней, ревнивый Антон увязался следом, благо одежда лежала здесь же, в тумбочке.

В такси по дороге Жанночка успела протараторить всё, что сама узнала про новых знакомых. Оба взрослые – по двадцать три года. Один – здоровенный такой! Иван Листопад – сын профессора. Другой, Феликс Торопин, тоже не из простых.

– Чуть ли не вор в законе! – с придыханием шепнула Жанночка, хотя кто такой вор в законе толком не знала.

Со слов Жанночки, выросли Торопин и Листопад в одном дворе. Потом разъехались. Иван в Краснодар, где его отцу предложили кафедру, Феликс – в колонию для несовершеннолетних преступников. Но друг друга, как оказалось, не потеряли. В Калинин они приехали по каким-то мутным фарцовочным делам. Кажется, в Москве не совсем чисто прокрутили валютную сделку и решили «отлежаться» в провинции.

– Представляешь, какие необыкновенные люди? Главное, оба при деньгах. Вторые сутки мучаюсь, на кого из двоих запасть. Прямо не знаю. Может, ты чего посоветуешь, – к полному расстройству Антона, Жанночка, наивная в своей корыстности, сокрушенно покачала головой.

Впрочем новые знакомые понравились и самому Антону.

В гудящем, забитом под завязку мотеле оба они выделялись среди прочих. Могучий Листопад царил за столом, мягким кубанским говором без усилия покрывая грохот надрывающегося оркестра. Едва заметно косящий правый глаз придавал всему, что говорил и делал Иван, оттенок легкой победительной насмешливости. Пьяновато улыбаясь, слушал его байки тонколицый красавчик Феликс Торопин. Длинные, унизанные перстнями картежные пальцы Феликса поигрывали золотой цепочкой. Время от времени он приподнимал указательный палец, и тогда официантка Нинка Митягина, подруга Феликса, подлетала к ним, предвкусно косясь на «рыжьё». А робеющий, покрытый золотистым пушком именинник Антон Негрустуев с восторгом внимал многоопытным новым товарищам. От обоих исходила привычка к опасности и манящая блатная романтика.

Уже ближе к закрытию Антон вышел подышать на воздух. Тут-то всё и случилось. Какая-то шпана на глазах у всех чмырила съжившегося узбечонка с выпученными от страха глазами. Пройти мимо Антон не мог.

– А ну, уроды, отошли от человека! – грозно выкрикнул он.

Собственно на асфальт Антон свалился сразу, еще от первого, по касательной удара. Тотчас устрицей закрылся, пытаясь спрятать разрезанный живот. Особенно досаждали две страусиные девичьи ноги. Про такие говорят, – от шеи. Но он-то снизу хорошо видел, откуда они на самом деле начинались. Впрочем, реагировал он только на ступни. Маленькие такие ступни, обутые в изящные туфельки, остроносые и неотвратимые, будто атакующие эсминцы.

В отличие от толпящихся в беспорядке парней, бьющих бесцельно и наугад, владелица туфелек всякий раз примерялась ударить именно в то место, что закрывал он обеими руками, оставив незащищенной даже голову. Почему и пострадал. От увесистого попадания по виску он обмяк, заволакиваясь прощальным туманом, и скорее рефлекторно, чем с надеждой, прошептал: «Листопад».

И тут же слово это пронзило обманчивую тишину загородного мотеля призывным кличем боевой трубы: « Листо-пад! Феликс! Антошку убивают!».

То кричала, вопила, визжала на все двадцать тысяч доступных человеческому уху децибел выбежавшая на крыльцо Жанночка Чечет.

Антон очнулся от каких-то непрерывных криков. И первое, что увидел, открыв глаза, – нависшая над ним огромная тень.

«Иван», – узнал Антон, поняв главное: больше его бить не будут.

Осторожно, придерживая живот, он сел на асфальт.

– Как ты? – запыхавшийся Иван присел подле Антона.

– Вроде жив, – Антон неуверенно ощупывал живот, пытаясь распознать источник глухой боли.

– Который начал?

– Во-он патлаты!

– Достану, – зловеще пообещал Листопад.

Он разогнулся – грозно.

При внезапном появлении высоченной, массивной фигуры нападавшие оробели. Отбежав на несколько метров, они переминались, нерешительно косясь на жоака – толстогубого парня с длинными несвежими патлами, перетянутыми по лбу махеровой повязкой.

Прищурившись косящим глазом, Листопад быстро шагнул вперед, ухватил за ворот патлатого, выдернул из общей кучи, резким движением скрутил, посадил на колени, и с аппетитом поднес к его носу кулак, увесистый, будто хорошая дынька – «колхозница».

– Башку тебе, что ли, об асфальт разнести? – задумался он.

– Да кто его бить-то хотел, сопляка этого?! – тонко и пронзительно закричал патлатый, пряча за возмущением охвативший его испуг. Но страх выпирал наружу, – вывернутые губы покрылись пузырьками слюны. – Сам напросился. Мы в баре мой приезд из Москвы отмечаем. Ну, на улицу покурить вышли. Вдруг гляжу – чебурек!

– Какой еще чебурек? – недоумевающе переспросил Листопад, слегка ослабляя хватку.

– А я почему знаю какой? Может, узбек. Может, туркмен. Я в них, чебураках, не разбираюсь! – поняв, что сразу бить не будут, патлатый приободрился, в голосе его добавилось скандальности. – Чурка, он и есть чурка. Я ему и говорю, а ты чего-й-то тут, чебурек, по нашему суверенному фойе шастаешь? Что тебе здесь, Фергана какая-нибудь, что ли? И, естественно, его за хобот. А тут этот ваш, мешком прибитый, откуда-то нарисовался: «Не трожь. Он, мол, тоже людь». Я, грю, может, он там у себя среди азиков и людь, только чебурек этот по праву первого мой. Хочешь пометелить, найди себе другого. А ваш заблажил чего-то! По физии мне, вон, заехал!

Тараторя без продыху, парень непрерывно поглядывал на подрагивающий у лица кулачище.

– Другие, между прочим, тоже били, – без стеснения напомнил он.

По счастью для перетрусившего патлатого, со стороны мотеля к ним бежала официантка Нинка Митягина. Упругие Нинкины груди без лифчика колыхались в такт бегу, будто рессоры вагонетки.

– Ваня! Ванечка! – задыхаясь, выкрикнула она. – Только что Феликса с валютой на кармане взяли. Теперь тебя ищут. Беги!

Листопад огляделся, двинулся к обочине. Уже из-за кустов, скрываясь, погрозил патлатому:

– Гляди у меня, если что!

– А вы чего раззявились, уроды? – Нинка зло оглядела остальных. – По вашу душу тоже ментов вызвали. Дуйте отсюда!

– Поздно! Площадку у мотеля разом осветили с трех сторон фары ПМГ¹. Нападавшие брызнули враспыльную. Началась ловля. Подъехавшие милицейские наряды без разбору «окучивали» пойманных по машинам.

* * *

Антон отполз за куст сирени. Оттуда расслышал презрительный выкрик патлатого, оборвавшийся внезапно, – должно быть, от хорошего пинка или от удара. Потом одна за другой хлопнули дверцы, УАЗы газанули и, похлопывая «сечеными» глушителями, уехали.

Потом он забылся. А когда очнулся, мотель погрузился во мглу, – похоже, разъехались и официанты.

Внезапно Антон остался один. Живот болел нестерпимо.

Аки Робинзон Крузо на острове, – вслух, чтобы подбодрить себя, произнес он.

Рядом сокрушенно вздохнули. Из кустов высунулась знакомая туфелька.

– Опять ты?

– Ну, я, – девушка подползла к Антону. Голос ее дрогнул.

– Холодно.

– Еще бы! Теплые трусы надевать надо.

– А ты бы не подглядывал.

– Так мудрено.

¹ передвижные милицейские группы

- Все равно. Был бы джентльмен, отвернулся.
- От тебя только отвернись. Вмиг наварись. В кустах что делаешь?
- Да то же, что и ты: от ментов прячусь.
- Я не от ментов. Я – от боли. Живот у меня больной, – Антон застонал.
- Сказать, что ли, не мог?
- Ну да, тебе скажешь. Как раз туда бы и звезданула. Туфли рашпилом, поди, затачивала?
- Нету туфель. Сломался каблук, – она всхлипнула.
- Ты мне только объясни, – Антон осторожно перевел дыхание, прикидывая, сможет ли подняться. – Ну, эти идиоты ладно. А ты за что меня гвоздила?
- За дело, – девчушка насупилась.
- Я тебя танцевать приглашала, а ты соплячкой обозвал. А мне, между прочим, пятнадцать. Скоро.
- Да? – Антон потянулся, припоминая провёл ладонью по безнадежно перемазанному личику в венчике всклокоченных смоляных волос.
- И как зовут?
- Лидия.
- Нет, не припомню.
- Потому что сволочь и есть. Об такого гада еще новые туфли испортила!
- Шкуру ты мне точно попортила, – Антон перевернулся на спину. – Слушай, лягастая. Погляди-ка живот. Не распороти?
- Выдумывай! Я тебе и попала-то один разок. Да не дергайся... Ой, мамочка! Чего-й-то? Она осела рядом, в одной руке сжимая растерзанную туфлю, а другую руку, перевернутую ладонью кверху, изумленно разглядывала.
- Кровь, – определил Антон.
- Увечный, что ли?
- После операции, – он попытался хохотнуть. Прикусил губу.
- И ты такой в ресторан поперся? Правильно я поняла, что натуральный придурок. Тебя ж в больницу срочно надо! – Лидия поднялась, повертела туфлю, раздраженно отшвырнула.
- Вставай. Пойдем к дороге. Может, кого остановим. Или тебя поднимать?
- Еще чего! Как-нибудь без детского сада обойдусь! – Антон вскочил. Но живот полоснуло такой резкой болью, что, ойкнув, тут же свалился на траву и потерял сознание.
- Когда вновь очнулся, то обнаружил себя на обочине шоссе. Рядом с всхлипываниями и завываниями рыдала перемазанная в грязи Лидия.
- Где я? – поинтересовался Антон.
- Сам не видишь? Трасса Москва-Ленинград.
- Ты что ж, меня на себе двести метров протащила?!
- Ни одна сволочь не останавливается. Жлобье!.. – тело ее сотрясалось то ли от злости, то ли от холода.
- Господи! Ну что ж мне с тобой делать? Не бросать же такого. Подохнешь ведь.
- Она вздрогнула: прямо за их спинами кто-то с разухабистым матом ломился сквозь кусты. Через минуту из чащи показался огромный леший – в двубортном костюме, обросшем репеем и мокрыми листьями.
- Иван, – обрадованно пробормотал Антон.
- Ну, ты подумай, – Листопад с досадой разглядел силуэт мотеля.
- Я раньше учителям не верил. Думал, врут, будто земля круглая. По моим подсчетам, она выходила в форме чемодана. А теперь доподлинно убедился – точно, шар! Проверил, можно сказать, эмпирическим путем. Полчаса по какому-то болоту проблукал. И опять сюда же вынесло! Аж хмель вышел. А вы здесь чего разлеглись? Трахаетесь?

– Угу! Аж утрахалась, – Лидия зло кивнула на постанывающего Антона. – У него живот прорвало. В больницу срочно надо. И – ни одна сволочь!.. Мне что, догола раздеться и поперек дороги лечь, чтоб машину остановить?!

– Этим ты вряд ли кого соблазнишь, – Листопад пренебрежительно крутнул субтильную, длинноносоую, с выступающими ключицами девчущку.

– Понимал бы чего в женщинах, – огрызнулась уязвленная Лидия.

Иван, не обращая на нее внимания, склонился над Антоном, всмотрелся озабоченно:

– И впрямь zenки закатились. Никак, к верхним людям собрался.

Одним прыжком он перемахнул через кювет.

– И ты тоже дристануть собираешься? – безысходно сообразила Лидия.

– Надо бы, – подтвердил, всматриваясь вдаль, Листопад. – Меня сейчас вся ваша ментовка разыскивает. Минутка, что называется, дорога. Но, с другой стороны, как не порадеть родному человечку?.. Ништяк, прорвемся!

Он увидел свет приближающихся фар и встал посреди дороги.

– Осторожно, задавят! – вскрикнула Лидия.

– Оно вряд ли! Судя по звуку, частник. Машину пожалеет, – Листопад расставил руки наподобие шлагбаума, на две трети перегородив шоссе.

Не сошел с места, несмотря на прерывистые, истеричные гудки и моргание. Так что мчавшийся на скорости «Жигуль» начал тормозить со свистом в опасной близости, пошел юзом и – остановился едва не в метре от стоящего, будто скала, силуэта.

– Тебе чего, оглобля, жизнь надоела?! – заорал выглянувший из окошка водитель. – Отойди, а то снесу к черту!

Иван меж тем неспешно подобрал с обочины подвернувшийся булыжник, подбросил:

– Машина твоя?

– Ну, моя. Собственная.

– Ох, и завидую я тебе, мужик.

– Чего-о?!

– Счастливый жребий, говорю, тебе выпал – жизнь человеку спасти. Парня надо до больницы довести.

Водитель скосился в сторону кювета, через который, навалившись на обессилевшую Лидию, пытался перебраться Антон.

При виде перемазанных фигур к водителю вернулась прежняя ярость. Подхватив монтажку, он вылетел на асфальт.

– А ну, отойди к едреней фене ... А то!

– Что «а то», глупыш? – гигант нежно приобнял его за плечи, заглянул сверху вниз. В косящем его взгляде водитель прозрел главное: от ЭТОГО не уйти. Монтажка сама собой опустилась.

– Сколько платишь? – привычно ступил он на стезю стяжательства.

– Это ты о деньгах, что ли? – незнакомец удрученно покачал головой.

– Какую школу заканчивал, друг?

– Н-не понял.

– А вот позволь, угадаю: нашу, советскую. И тебя в нашей советской школе не учили, что человек человеку друг, товарищ и брат? Не слышу!

– Да причем тут!

– Или, може, ты не советский человек? – последнее было сказано столь проникновенно, что водитель как-то разом оробел и даже скользнул взглядом по плечам, не проблеснут ли погоны. Погон не было. Но взгляд незнакомца все больше косил дикостью.

– Так ведь машину кровью перемажет!

– Зато не твоей кровью, – во вкрадчивом голосе сквозанул вдруг такой беспредел, что водителя перетряхнуло.

– Да я ничего. Я, если что ... в комсомоле состоял. И в дружину три раза ходил, – помимо воли забормотал он.

– О, видишь. А скрывал. То есть простой советский человек? Как он, как я? Чего ж тогда стоишь, дурашка? Бегом подсоби девушке. Видишь, надрывается. А ты, здоровый бугай, вместо чтоб помочь, херню тут какую-то о комсомоле завел. Делом, делом надо доказывать!

– А сам-то чего ж?

– Я б, само собой. Но кто тогда машину посторожит? Пшел! Ошалевший автовладелец метнулся к кювету.

* * *

Через несколько минут «Жигули» свернули к многоэтажному зданию областной больницы.

– Только до ворот, – со скрытым облегчением предупредил водитель. – Дальше проезд запрещен.

– Кого везешь, зяма?! Давай прямо под шлагбаум, – сидящий рядом Иван надавил лапой на клаксон, другой рукой энергично принялся крутить ручку стеклоподъемника. Усилие оказалось чрезмерным, – ручка осталась в Листопадовой лапе.

– Не научились делать. Всё на соплях, – Иван отшвырнул ее на «торпеду». Водитель тихо заскулил.

Из будки показался сонный сторож.

– Живо подымай свою палку, тетеря! – не давая ему открыть рот, закричал Иван.

– Так чего это? Тут по пропускам, – сторож, пытаясь встряхнуться, всмотрелся в представительное лицо. Машина была незнакома. Лицо тоже. Но – было оно, несмотря на молодость, явно значимым и очевидно недовольным.

– Я замзавоблздравотделом Листопад! – напористо объявило лицо. – Везу героя Афганистана в коме! Что стоишь, раззява? Секунда дорога! Никак спал на посту! А ну!.. Или уволю! Шлагбаум начал подниматься прежде, чем сторож окончательно проснулся.

– Прямо из Афгана автостопом везешь? – съехидничал водитель.

– Мы своих героев на дорогах не бросаем. Во-он туда! – вдалеке светился подъезд с застывшими подле машинами скорой помощи.

Иван выскочил едва не на ходу, легко, будто морковку с грядки, выдернул наружу подрагивающую девчущку, вытянул впавшего в забытье Антона, подбросил на руках, ногою захлопнул дверцу, отчего машина вздрогнула.

– Надеюсь, теперь свободен? – водитель с отвращением разглядывал перепачканные чехлы.

Иван обернулся.

– Ты вот что: прямо сейчас, пока буду отсутствовать, достань из ранца пионерский дневник и запиши себе хороший поступок. По возвращении распишусь.

– Вот это вряд ли, – пробормотал водитель. – Ну, блин, видал ухарей!

Машина рванула с места, словно на раллийном старте.

Решительным шагом Листопад направился к двери с надписью «Травмпункт». Сзади семенила расхристанная Лидия.

Стояла ночь с субботы на воскресенье. Советские люди в соответствии с Конституцией отдыхали. Как умели, так и отдыхали. С задоринкой. А потому травмпункт оказался переполнен пробитыми головами и переломанными конечностями. Единственно, в уголке на кресле постанывала беременная женщина с обваренной рукой. Поглаживающий ее муж нервно погля-

дывал то на снующий медперсонал, то на загадочный плакат на стене – «Курящая женщина кончает раком».

Зато остальной народец, судя по всему, подобрался огневой: в воздухе стоял устойчивый запах портвейна «Солнцедар», настоящий на йоде и крепком мате.

– С дор-роги! – дверь распахнулась от удара ногой. В помещение вошел перепачканный гигант с обвисшим на руках телом.

– С дороги! – напористо повторил он, рыком своим разгоняя замешкавшихся.

– Так тут очередь! – блаженствовавший у окна мужичок с рассеченной бровью с внезапной резвостью прыгнул с подоконника и двинулся наперерез. – Я – первый!

– Шо? Жена сковородкой заехала? – с ходу определил Иван. – И дело: не шкродничай по чужим спальням!

– Да я, может, сам кровью истекаю!..

– Так истеки! Кому ты такой плюган в этой жизни нужен? Я смертельно раненого героя несу! – яростно объявил Листопад, отодвигая пьяного упрямца плечом. – Человек девчонку от изнасилования спас.

Тут все разглядели за его спиной босоногую, растерзанную девушку.

– И как спас! Пулю в упор в живот принял. А не отступился! Очередь у них. За портвешком, что ли?! – гигант брезгливо принялся, оглядел смешавшихся людей. – Крысы тыловые!

– Где врач?! – потребовал он у выглянувшего на крики рослого, под стать ему самому, усталого мужчины в халате.

Не отвечая, тот подошел, отодвинул вниз веко Антона, что-то определил:

– Заноси и клади на кушетку.

Вернувшись в предбанник, Иван скорбно прижал к себе притихшую Лидию:

– Ничего, ничего, девочка! Он выдержит. Он прорвется. Он настоящий. Не то шо эти бытовые разложенцы. Мы ему еще орден дадим.

Глянул на женщину:

– Тяжело?

– Куда хуже, – неприязненно ответил муж. – Если б не ты, уже приняли.

– Скажи, пусть потерпит. Сын, богатырь, родится, Антошей назовете. В честь героя.

Не найдясь, что ответить, тот угрюмо смолчал. Задремал, наваясь на Лидию, и Иван.

Минут через двадцать в приемный покой вышел врач.

– Ну как, доктор, наш герой? – Иван вскочил, охватил его за плечи, пыгливо заглянул в глаза. – Жить будет?

– Будет, будет. В упор, говоришь, стрелял? Что-то я там пули не обнаружил.

– Да ты шо?! От спасибо за новость. Стало быть, все-таки не попал проклятый бандюган. Исхитрился, стало быть, увернуться. В упор и – исхитрился. Вот ведь реакция. Шо значит воинская выучка. Какой человек! Один на тысячу! – Иван восхищенно зацокал, взглядом предлагая окружающим восхититься вместе с ним. – Вы сберегите его, доктор! Для всех для нас. Для всего человечества!

Ни мало не обращая внимания на наступившую ошалелую тишину, он прижал к бедру заторможенную Лидию и направился к выходу.

– Эй, орёл! – окликнул врач.

Иван обернулся.

– Вообще-то молодец, что пробился. Там швы разошлись, и грязи набилось. Так что, если б не успели...

Тыльной стороной ладони отер воспаленные глаза. Огляделся:

– Давайте беременную.

На улице Лидия тихонько отстранилась.

Я, пожалуй, вернусь. Посижу до утра.

Под удивленным взглядом Листопада она смутилась:

– Мало ли что? Хоть будет кому родственникам сообщить.

– А ты что, знаешь его родственников?

– Нет, но...

– Жанка говорила, что мать у него одиночка. Вроде фабричная ткачиха, – с усилием припомнил Иван.

– Тем более дождусь, – отчего-то обрадовалась Лидия. – Да и куда по ночи?

– Тогда давай прощаться. Засветился я в вашем захолустье. Пора когти рвать, пока и впрямь не отловили.

Приветственно махнув лапой, Иван шагнул в темноту, в сторону моста через железную дорогу, за которой собственно и начинался старинный город Тверь, унижительно переименованный в безликий Калинин.

* * *

Глубокой ночью на кольце трамвая, откинувшись на витой скамейке, в одиночестве сидел полнотелый молодой мужчина в тянучках и тапочках на босу ногу. Рядом стояла опечатанная бутылка водки.

Усмотревший в этом намек судьбы, Иван подошел. Мужчина приоткрыл глаза, оглядел неизвестного.

– Чего здесь? – строго спросил Иван.

– С женой поругался.

– На хрена?

– «Стенку» румынскую требует. У нас и без того новая. Так ей, видишь ли, непременно импортную подавай.

– Зачем?

– Прорва, – исчерпывающе объяснил сидящий.

– Это бывает. Тогда почему целая? – Иван мотнул подбородком на бутылку.

– Не пьется одному. Привычки нет.

Босоногий вопросительно поглядел на нового знакомого.

– Да уж выручу. Не бросать же в беде, – Иван поднял с земли бутылку, ловко свернул пробку. Повертел головой.

– Стакан не захватил, – мужчина сокрушенно пожал плечами.

– Тогда из горла! – Иван раскрутил бутылку и, к восхищению босоногого, единым махом осушил треть. Протянул:

– Давай. Как говаривал мой кубанский корешок Витька Рахманин, ломани, пока при памяти. Ты сам-то вообще кто?

– Я-то? – босоногий сделал неопределенный жест куда-то вверх, усмехнулся, видимо, сопоставив свое положение с тем видом, в каком находился сейчас, и молча потянулся к бутылке.

Минут через пятнадцать, непривычный к выпивке из горлышка, да еще без закуски, он сильно опьянел. Иван отошел отлить за угол, а когда вышел вновь, то возле скамейки стоял милицейский УАЗик, и двое милиционеров, сопя и матерясь, затискивали внутрь машины отчаянно отбивающегося незнакомца.

– Я ничего не нарушил! – протрезвевшим от страха голосом, кричал тот, упираясь. – Говорю вам, я – из обкома комсомола! Балахнин моя фамилия! Можете позвонить, проверить! Это производ! Завтра же всех повыгоняют к чертовой матери.

При этой угрозе стоящий поодаль старший наряда – сержант – зловеще ухмыльнулся.

Какой армейский сержант не мечтает стать генералом? Какой милицкий сержант себя генералом не ощущает? А генералы – народ гордый. Если, конечно, не против маршалов.

– Вот чтоб не повыгоняли, мы тебя в вытрезилку и доставим, – с усмешкой процедил он.

– Да я ж не пил почти! Ребята! Вот мой дом, – услышав про страшный вытрезитель, Балахнин с удвоенной силой уперся в проём. – Ну, поднимитесь, я документы покажу! Жена же волнуется, дети! Что ж вы, как нелюди!

Выкрикнув последнюю фразу, Балахнин извернулся и увидел стоящего на углу собутыльника. Встрепенулся, собираясь, видно, обратить на него внимание. Но тут же, устыдившись, отвел глаза и сам полез в машину.

Колебавшийся дотоле Иван подобрался, – от выпитого в голове у него шумело, – и шагнул к машине, отряхивая на ходу загаженную «тройку» от остатков репейника.

– Развели тут грязюку! Нормальному человеку пройти, не упав, невозможно. Взгреть бы коммунальщиков, – прорычал он и – будто только теперь заметил происходящее.

– Здравствуйте, товарищи! – весело произнес Иван.

К нему обернулись – недоуменно.

– Здравствуйте, товарищи, – Иван слегка нахмурился и требовательно оглядел сержанта.

– Ну, здрасте, – осторожно поздоровался тот.

Листопад в упор продолжал разглядывать его – с нарастающим, легким пока неудовольствием. Сержант, спохватившись, поспешно застегнул распахнутый китель. Незаметно принялись оправляться остальные.

– Заместитель заведующего отдела административных органов горкома партии Листопад, – представился Иван. – Шо здесь происходит?

– Да вот... – при виде высокого начальства сержант подобрался. – Пьянствует в общественном месте.

Иван начальственно пошевелил пальцами, и догадливые милиционеры выволокли задержанного наружу.

Неприязненно косящим взглядом Листопад взгляделся в переминающуюся фигуру в таянучках.

– Так! То-то мне голос показался знакомый, – определил он. – Балахнин, кажется? Из сектора учета?

– Балахнин, – пролепетал тот, ошалелый. – Кажется.

– Почему ночью в таком виде? Отвечать! – рявкнул Иван, заставив вздрогнуть и самого Балахнина, и милицкий наряд.

– Да я, понимаете... С женой я... Вот вышел... А тут они налетели.

Иван принялся.

– Да от тебя, стервец, и впрямь разит! – определил он, заметив впрочем, что стоящий подле старший наряда поспешно отодвинулся, непроизвольно прикрыв рот. – Тогда какие претензии к товарищам из милиции? Почему позволяете себе угрозы, оскорбительные выкрики? Люди в отличие от вас на посту!

– Да я не в претензии! Мне бы только... Дом-то вот.

– Водку в одиночку пьянствовать! Комсомол непотребным видом позорить! – недобро отчеканил Иван. – А ну марш отсыпаться. И завтра к десяти чтоб ко мне в кабинет! Я тебе покажу пьяные променады в тапочках. Ну!

Балахнин опасливо скосился на сержанта и увидел физиономию, полную злорадного блаженства.

Подыгрывая, он угрюмо опустил голову и, все еще боясь быть окликнутым, торопливо зашагал к дому.

– В народное хозяйство у меня пойдешь! – пообещал вслед Листопад.

– Совсем кадры загнивают! – пожаловался он. Протянул руку сержанту. – Можете быть свободны, товарищи! Нужное дело делаете. Трудное, неблагодарное – но необходимое! Удачи! Старший наряда коротко козырнул, прощаясь.

Но тут Ивану пришла в голову новая мысль.

– А подвезите-ка меня, пожалуй, до центра, – спохватился он. – Засиделся в гостях. Думал прогуляться по ночному городу. Но теперь в таком-то виде...

– Так э... Куда прикажете!

Перед Иваном предусмотрительно распахнули створку.

Переоценил себя Ваня Листопад. В наполненном бензиновыми парами, потряхивающемся УАЗике алкоголь быстро добрал своё, так что вскоре Иван попросту и без затей заснул.

На Тверском проспекте машина остановилась.

– Товарищ! Товарищ! – сидящий рядом милиционер боязливо потряс его, склонился внимательно.

– Похоже, в отрубе! – он озадаченно поглядел на старшего наряда. – Чего делать-то будем? Разве что выгрузить вон на скамейку, да и всех делов?

– Я тебе выгрузу! – ругнулся тот. – Что это тебе, пьянь подзаборная? Потом начальник УВД всем бошки поотворачивает. Давай-ка пошарю аккуратно, чего у него там в карманах. Может, паспорт с адресом есть?

Он опасливо сунул руку, извлек что-то, склонился:

– Мать честная! Чего это? Ну-ка посвети!

Водитель осветил салон, и склонившиеся милиционеры разглядели в сержантских ладонях увесистую пачку долларов.

Коловращение судеб

Заместитель начальника Центрального райотдела милиции по политико-воспитательной работе капитан Звездин отодвинул протокол задержания и предвкусно потерев ладоши, – кажется, переменчивая удача скупо подмигнула нелюбимому пасынку.

А ведь всего три года назад судьба улыбалась молоденькому инструктору райкома КПСС, выдвиженцу от завода «Серп и молот» Жене Звездину во всю свою широкую пасть. Освободалось место заместителя заведующего отделом пропаганды, и перспективный инструктор числился кандидатом на повышение.

Но лишь одним из нескольких.

Не полагающийся на случай Женя решил подпихнуть форту.

Будучи в очередной командировке – в Биробиджане, Звездин попросил местных товарищей заказать для него полное собрание сочинений Ленина и наложенным платежом отправить в Калинин. Но адрес дал не домашний, а райкома партии. Якобы по ошибке.

Не представляло сомнений, что факт этот станет известен в райкоме, и рвение молодого сотрудника в постижении марксизма-ленинизма будет отмечено.

Действительность превзошла ожидания, – о нестандартном заказе доложили лично первому секретарю, и тот пригласил Звездина к себе. На углу массивного стола громоздились перевязанные бечевкой книжные пачки.

– Вам что, Евгений Варфоломеевич, мало тех собраний, что имеются в райкоме? – внимательно глядя на Звездина, поинтересовался секретарь.

– Виноват. Не удержался, – с приготовленной скромностью объяснился Женя. – Зашел, стал быть, в магазин, раскрыл наугад «Шаг вперед, два шага назад» и чувствую, не могу оторваться. Так всё ясно, так пронзительно! Вообще-то тут почта, должно, ошиблась или я машинально... Купил-то за свой счет для домашнего пользования. На работе, сами знаете, текучка, а хочется хотя бы перед сном припасть, эта самая, к истокам.

– Похвально. И давно читаете на идише? – секретарь кивнул на раскрытый томик.

Звездин обомлел. Такой подянки от Еврейской автономной области он не ожидал.

– Учю! – брякнул он первое, что пришло на ум.

– Похоже, давно учите. Много у вас родственников в Израиле? – секретарь недобро прищурился.

– Да вы что! Да за кого вы меня! Я аз емь потомственный русак! – в ужасе от совершенного прокола выпалил Женя. Окончательно смешавшись под тяжелым начальственным взглядом, понес полную околесицу. – Исключительно дабы внедриться, если партии понадобится. Да мы, исконно русские Варфоломеи, этих жидяра на дух!.. Да я, если что, топор в руки и первым пойду. Как деды!

– Хочу напомнить, что в Советском Союзе с проявлениями антисемитизма ведется беспощадная борьба, – холодно оборвал его секретарь. – Ступайте и – заберите вот это своё.

Он брезгливо отодвинул запачканного идишем Ильича.

Через неделю Звездин разделил участь спившихся или морально разложившихся совпарработников – его сослали замполитом в милицию.

Шли месяц за месяцем, год за годом, появлялись и исчезали вакансии, а о бывшем инструкторе райкома, казалось, забыли напрочь. Звездин чувствовал, что погружается в будничную рутину, исход из которой виделся лишь один – унылая майорская пенсия.

Ночное задержание валютного фарцовщика, да еще сынка знаменитого профессора, могло эффектно прогреметь по области и заново перевернуть судьбу опального замполита. Конечно, если все это грамотно оформить и подать. А оформить пока не получалось, – доставленный подозреваемый Листопад упорно отказывался писать явку с повинной.

Звездин поднялся со своего места и уничижительно оглядел нахохлившегося верзилу с пасмурным, косящим взглядом.

– Долго будем в молчанку играть, голуба? – строго произнес замполит. – Ты ж понимаешь, что влип, взят с заграничными долларами. Твой подельник Торопин арестован еще вчера. Сейчас, стал быть, дает показания в КГБ. А КГБ – это тебе, понимаешь, не фунт изюму. Или тоже туда торопишься?

– А что, у меня есть выбор? Так и так там окажусь.

– А вот и нет! Я ж тебе, голубе, битый час толкую, – Звездин подсел поближе. – По валютным спекуляциям дела, они и комитету подведомственны, и нам, стал быть, – милиции. Пишешь на мое имя явку с повинной, так дело твое в этом случае мы сами вести будем. А с нами тебе куда как веселей. Тогда для тебя всё с широкого плеча: и свидания, и в камере чтоб тип-топ. Место там у окна, параша чистая. А может, еще договорюсь, чтоб не сажать до суда. Чистосердечное признание в мой адрес – это очень зачтется. Ну! Раз уж такой для тебя форс-мажор приключился. А то я и так злоупотребляю, – давно бы пора в комитет позвонить о твоём задержании. Да вот жалко тебя чего-то! Из интеллигентной вроде как семьи. Одной, стал быть, крови.

Листопад повнимательней пригляделся, приподнялся:

– Твоя правда. Давай-ка поговорим!

– Давай. Только сначала на место будьте любезны, – Звездин опасливо отодвинулся. – И извольте обращаться по званию и на «вы».

– Как скажете, товарищ капитан, – несмотря на грозное предостережение, Иван придвинулся вплотную, доверительно положил лапу на плечо собеседника. – Ты мне только ответь – на хрена тебе это надо?

От неожиданного поворота в разговоре Звездин несколько опешил:

– Вот в КГБ сообщу. Они всё тебе, наглецу, растолкуют.

– Они-то, может, и растолкуют. Только тебе с того шо за навар? Ведь никто ничего, считай, не знает. Сержанты – так они под тобой. Порвал протокол и – как не было. А баксы себе возьми. Это ж какие для тебя деньжищи. Если в загранку случится, ты на них весь упакуешься. А?

– Да вы это что это? – Звездин вскочил. – Вы это кому это? Вы – взятку?! По себе мерить?

– Ты остынь. Не хошь сам – не бери, – сержантам отдай. После этого они для тебя всегда с открытой душой. Очевидная польза. А с тобой еще лучше рассчитаюсь. Небось, обрыдло замполитствовать в этом клоповнике. Так за нами, Листопадами, не заржавеет: отец с дядькой тебя отсюда мигом наверх в люди подымут. У меня ж дядька – вице-президент Академии наук. Одной левой тебя куда хошь подбросит.

В глазах совращаемого капитана, до того по-рыбьи бесцветных, зародилась жизнь. В самом деле, из этого мог выйти вариант. Отметят ли, нет ли роль Звездина в выявлении еще одного фарцовщика, – это все-таки вилами на воде. Да и как еще отметят? Может, наградными часами в морду плюнут? А вот если протокол действительно припрятать, а после подъехать с ним к вице-президенту Академии наук – из этого большущая польза может произрасти.

– Ведь не уголовник, не вор-рецидивист, – поднажал Иван. – Или без меня в тюрьме охранять некого? Сам же говоришь – мы с тобой одной крови. Тем более риска-то никакого. Вся ситуация под тобой: с ментами рассчитался, протокол заныкал и – с концами. Зато после весь в шоколаде. Давай: по рукам и – побежали.

Звонок внутренней связи с дежурной частью отвлек Евгения Варфоломеевича от сладких мечтаний, в которые он начал погружаться.

– Слушаю, – Звездин недовольно нажал на кнопку.

– Товарищ капитан, – разнеслось по кабинету. – Только что позвонили из КГБ. Они уже прослышали насчет фарцовщика нашего. Велено передать – выезжают. И – вас просил Мормудон... то есть виноват, – начальник отдела зайти.

Звездин со злостью отключился, поднялся. С особым, непримиримым прищуром глянул на задержанного:

– Что мне за польза, говоришь? А та самая, за ради которой я, слесарь – инструментальщик, пацаном в партию вступил, погоны вот эти надел. Нечисти на нашей, советской земле меньше станет, – вот моя польза. А ты, профессорский сынок, полагал, что таким как ты всё дозволено? Нет уж. Законность у нас одна. Сейчас КГБ подъедет, тебе её полной ложкой отмерит. И не заблуждайся: не одной мы крови! А разных классов. Всё ясно, голуба?

Листопаду всё стало ясно: именно невозможность взять на лапу определяла глубину классовой ненависти, что испытывал бывший слесарь-инструментальщик к профессорскому отпрыску.

– Я пока выйду, а ты – либо пищешь на мое имя явку с повинной, либо тебя отведут до приезда КГБ в дежурку, и тогда уж всё. Ну? Будешь писать или?...

– Буду! – рявкнул Иван.

Что-то в лице задержанного Звездину все-таки не понравилось.

– Если чего задумал, так имей в виду, – добавил он, – на окнах решетки, у кабинета ждут пара милиционеров, документы твои в дежурной части, – так что насчет смяться и думать не моги.

Дверь за замполитом закрылась. Ни секунды не медля Иван рванул к телефону. Дядька! Вот спасение. Конечно, вздрючит после. Так то после!

Увы! Спасительная восьмерка не набиралась, – межгород оказался заблокирован.

– А! Падлы! – Иван в бешенстве долбанул кулаком по стеклу на замполитовском столе, разогнав во все стороны паутину. Вот такой же паутиной пойдет теперь и его собственная жизнь. Иван представил себе отца, заслуженного деятеля науки, профессора Кубанского университета, которого лишь месяц назад отходили после гипертонического криза. Зримо представил, как завтра отцу с притворным сочувствием сообщают, что единственный сын арестован. И чем это для него кончится? А чем племянник – валютный спекулянт обернется для дядьки?

Иван быстро просчитывал варианты. Считать он умел. Умел находить и нестандартные решения там, где другие впадали в панику и ступор. Может, потому теперь, когда едва не все кубанские дружки, с которыми «гужевался», сидят по зонам, сам Иван к своим двадцати трем закончил университет и, правда, волею папеньки, но и по собственному хотению, подумывал о поступлении в аспирантуру. Наука влекла его тем же, чем когда-то шахматы, а позже – преферанс и бильярд, – возможностью неожиданных, переворачивающих партию комбинаций.

Но все это оказалось ничто по сравнению с фарцой, в которую втянул его вышедший из заключения старый друган Феликс. Вот где адреналин! Вот где истинное наслаждение! Когда ты, зная, что за тобой охотятся всеильный Комитет государственной безопасности на пару с ОБХСС, проходишь по лезвию, даешь вроде загнать себя в угол, а потом неожиданным, элегантным финтом ускользаешь, как тореодор от быка. Один против целой государственной машины!

Впрочем не один, конечно. Судьба, благоволившая своему шлопутному любимцу, всегда присылала ему на помощь счастливый случай. Но здесь, похоже, отступилась. Он задержан в чужом городе с долларами на кармане, да еще с подельником – рецидивистом, – готовое обвинение для прокурора в хрустальной чистоте.

Статья 88 УК РСФСР – «Нарушение правил о валютных операциях» – от трех до восьми лет лишения свободы. На Ивана Андреевича Листопада неотвратимо надвинулась безысходность.

Телефонный звонок прервал невеселые раздумья.

Иван поднял трубку, намереваясь отмотать звонившего и хотя бы тем досадить паскудному капитанишке.

– Д-ээ! – произнес он в нос, стараясь подражать голосу замполита.

– Здравствуйте! Это Евгений Варфоломеевич? – раздался взволнованный голос. – Евгений Варфоломеевич, мы так не договаривались!

Листопад, набравший побольше воздуха для полноценного мата, при последней фразе сдержался. Что-то в этом звонке проклевывалось.

– Ну! – он чутко сбавил тон.

– Так кто это? – недоверчиво повторил абонент.

– Да я, я, голуба. Простудился немножко. Но теперь уж, стал быть, полегче, – Листопад нарочито прокашлялся.

– Так вы узнали меня?

– А то!

Просто мы ж раньше напрямую не встречались. Я от Сан Саныча.

– Так от него и знаю. Само собой, голуба. Слушаю.

– Да это нам в пору слушать! Вы, конечно, извините, что я на свой риск напрямую. Но Сан Саныч отъехал, а надо срочно решать. – Так и порешаем. В чем проблема?

– Да в Кларе Цеткин, конечно!

Иван озадаченно притих, – разговор начал отдавать дурдомом. Таинственный собеседник понял паузу по-своему.

– Мы, по согласованию с Вами, открыли овощную палатку на углу Клары Цеткин и Гарибальди, – осторожно напомнил он. – Завезли товар. А сегодня вдруг набежали, как саранча, ваши пожарники, и – опечатали! Пожароопасное, видите ли, состояние. Можно подумать, оно другим бывает. Вы же заверили!.. Послушайте, Евгений Варфоломеевич, мы понимаем, – Вы человек занятой, но товар-то скоропортящийся. Если за день не распродадим, это одних убытков немеренно. А с утра еще подвезут. Мне ж после Сан Саныч кердык сделает.

– Не надо! Не надо давить на слезу! – Листопад, отгородившись носовым платком, всю импровизировал. – Произошел нормальный форс-мажор. Плановый пожарный рейд.

Он судорожно припоминал, как называли при нем начальника райотдела. Вспомнил:

– Лично Мормудон приказал. А это не фунт изюму.

– Что? Сам?! Вы ж вроде говорили, что это ваш участок. Слушайте, мы понимаем ваши проблемы. Но в конце концов вы тоже с этого имеете.

– Да вы это кому это?! По телефону такого не надо. Раскол не есть путь к единению, – при упоминании о деньгах Иван почувствовал вдохновение. – Давайте мыслить конструктивно, а не попрекать друг дружку за ради каждой жалкой десятки.

– Ну, знаете! Хороша десяточка! Четверть дневной выручки. А главное, если вы не в силах повлиять на собственных пожарников, так зачем же было, извините, братья?.. Вы поймите, это скоропортящийся товар! На часы счет. И что мне прикажете делать?

– Тебе? – Листопад быстро прикинул. – Через час чтоб быть у меня. При себе иметь... – он прищурился, – сто пятьдесят.

– Рублей?! – абонент задохнулся.

– Ну не долларов же окаянных. Мы, слава Богу, патриоты.

– Да вы, Евгений Варфоломеевич, в себе?! Даже если всё распродать за день...

– Распродавать вы будете регулярно, а решать надо сейчас. Тем паче предназначается не для меня. Вам тоже крышу укрепить не помешает. Улавливаешь? В общем, жду у себя в кабинете.

– Может, лучше как обычно? Сан Саныч вернется и...

– Не лучше, – Листопад прислушался к нарастающим звукам в коридоре и заторопился. – Мормудон через час пятнадцать уезжает. И если опоздаете...

– Еду. Но это против правил. Надеюсь, в первый и последний раз...

– Жду. Да, если будут люди, просто зайдешь и передашь конверт. Скажешь, корреспонденция от Сан Саныча. Конверт есть?

– Да найду... Вот хоть – «С 1 мая».

– В него и положи. Да чтоб все по двадцать пять! А то знаю я вас: насыплете мелочи начальству, так Мормудон меня самого выкинет. Всё! Ко мне люди... Заходите, товарищи, заходите.

Он швырнул трубку на рычаг, – в кабинет вернулся замполит Звездин.

– Кто позволил? На минуту оставить нельзя. Куда звонил?

– В метеослужбу.

– Интересовался погодой на Магадане? – довольный шуткой, Звездин подмигнул. – Где явка с повинной?

– Передумал.

Звездин побагровел. Заметил разбитое вдребезги стекло.

– За это ты мне отдельно ответишь как за мелкое хулиганство.

– Угу! Могучий довесок к валютным операциям. Ну, чего дураковать, замполит? Отпусти, пока не поздно. В долгу не останусь.

– Долги ты Родине отдашь. На зоне.

– Ой, упертость наша российская, – Листопад сокрушенно помотал головой. – В преф не играешь? Оно и видно. Знаешь, в чем твоя проблема? Ты уверен, что у тебя на руках козыри и даже не задумываешься о ходах противника.

– Это ты-то противник? Ты с этого дня – считай, зэк. И не просто. Думаешь, если бугай, так всё нипочём? Не таких в тюрьме опускали, – раздосадованный Звездин демонстративно посплюнявил и оттопырил средний палец. – Уж я позабочусь, раз ты ко мне без понимания. Ясенько?

Листопад вздохнул:

– Куда ясней. Потому в последний раз предлагаю: давай по-доброму. Ты меня отпускаешь. А я тебе даю возможность доработать до пенсии.

Звездин от души захохотал:

– Сильны вы, кубанцы, как погляжу, на хапок брать. Только здесь пужливых нет и твои штучки-дрючки, стал быть, не проходят. Эх, жалко, что комитет быстро прознал, а то б мы тебя, голуба, от души поучили... А вот и похоронная команда по твою поганую душу. Прошу, прошу!

Впрочем вошедший без стука русоголовый крепыш в черном костюме особенно приглашения и не дожидался.

– Привет смежникам, – он вскользь прошелся цепким взглядом по задержанному.

– Можно сказать, готовое дело отдаю, – поплакался Звездин. – От себя оторвали. Всех забот осталось – кинуть в камеру да оформить раскрытие.

– Начать да кончить, – комитетчик хмыкнул. – Куда мне с ним?... Как обычно? В тринадцатый?

Он принял от замполита пачку документов, отмахнулся пренебрежительно от предложения вызвать сопровождающий наряд, кивнул задержанному и, не оборачиваясь, шагнул первым.

* * *

Идя следом по пустынному райотделовскому коридору, Листопад оценивал ядреного, будто крепкий орешек, поигрывающего мускулами комитетчика. По коридору тот не шел, а, расправив широкую грудь, стремительно рассекал воздух. Должно быть, ощущал за спиной крылья Родины.

– Ну что? Давай знакомиться? – войдя в пустой кабинетик с единственным столом и двумя стульями, комитетчик радушно протянул крепкую ладонь. – Разница в возрасте у нас небольшая. Так что предлагаю – без чинов и на «ты». Юра меня зовут.

– То есть вот так запросто? Друган, товарищ и братан? – прищурился Иван.

– А это смотря до чего договоримся, – в голосе Юры скрежетнул державный металл: шальная веселость загнанного в угол валютчика ему не понравилась. – Расскажи лучше, как дошел до жизни такой? – Шагал, шагал к коммунизму в стройных рядах строителей, рванул вперед, да и... Заплутал, наверное.

– Увлёкся и – попал во вражеский окоп, – в тон Ивану подыграл комитетчик. – А ты, вижу, парень не промах – силен пошутковать. Ну, компания, в которой ты шагал, нам хорошо известна. Тот же Торопин, за ним ведь и мошенничество, и карманные кражи. Это тебе не стройные ряды строителей коммунизма, а натуральный штрафбат. Тебя-то, сына знаменитого профессора, как туда занесло?

Иван уныло насупился.

– И как дальше жить будем? – все так же лучезарно поинтересовался Юра.

– Хотелось бы регулярно.

– Всем бы хотелось. Но не всем дано. Тут весь вопрос, где дальше жить. И с кем. Надеюсь, против Советской власти ты ничего не имеешь? – округлое Юрино лицо озарилось хорошей открытой улыбкой, – родина-мать излучала готовность к всепрощению.

«Стало быть, будет вербовать», – сообразил Листопад. Он глянул на часы на стене и доверительно пододвинулся поближе:

– Хочешь предложить стучать?

– Так это... В общем-то сообщать об имеющихся фактах – гражданский долг каждого, – от неожиданного напора комитетчик оторопел. Но тут же устыдился собственного мельтешения. – Да и куда тебе деваться? Либо – так, либо – зона.

– Во-первых, имей в виду: я до последнего стоять буду, что доллары поганые мне, пьяному, менты подсунули. И потом – на хрена я тебе? Всё одно не местный. Так что пользы от меня как от агента никакой.

– Оно, конечно, пользы с тебя не слишком, – согласился Юра. – Но, с другой стороны, какая-никакая учетная «палка». Мне и то на днях втык сделали, – за полгода ни одной вербовки. А вот тебе прямая выгода. Соглашаешься на сотрудничество – пойдешь прицепом. На минимальный срок. Так что, дашь подписку?

– Так уже дал.

– Когда?! – Юра на глазах расстроился. – И – кому?

– Директору школы. Когда в пионеры вступал.

– Да ты!..

– Не пыли, – нетерпеливо перебил Листопад. – Поговорим как разведчик с разведчиком. Хочешь обменять? Меня на замполита.

– Н-не понял, – Юра незаметно утратил привычную снисходительную улыбочивость и как-то незаметно, ерзая, принялся отодвигаться, напряженно вглядываясь в дико косящий глаз.

– Не тушуйся, не сбрендил. Имею информацию, что через... – Листопад сверился с часами на запястье комитетчика, – сорок минут будет происходить передача взятки Звездину за разрешение поставить дополнительную торговую палатку.

– И знаешь, кто и где? – недоверчиво уточнил Юра.

– И даже, сколько и в чем будут деньги. Да этот давала сам, чуть прижмете, расколется. Так что? Торопин у тебя и без меня упакован. А капитан-то милиции пожирней будет пожива, чем хилая вербовка вчерашнего студента.

– Оно бы так. Только – не по линии моего отдела.

– Тем хлеще. Масштабность подхода проявишь.

– Это да, – мечтательно согласился Юра. Он решительно стукнул кулаком по собственной ладони. – Ладно, – попробуем. Если не соврал, – от вербовки ты, конечно, не уйдешь...

– Да ты чего?! Оборзел?

– Не уйдешь. Без этого «отмазать» тебя от валютного дела не смогу. Но зато «стучать» на своих не заставлю. Даешь подписку о негласном сотрудничестве и – исчезаешь из города. Единственный, на кого напишешь, – замполит. А вербовку со временем похерю. Как неоправдавшуюся. Так что – по рукам и побежали? А то мне еще группу захвата надо успеть подключить.

– Но гляди, если вложишь, – Листопад неохотно пожал протянутую руку. – Не посмотрю на ксиву...

– Жену стращать будешь, когда женишься, – азартно перебил его комитетчик.

Он протянул чистый лист.

– Значит, в центре строки – «Подписка о негласном сотрудничестве»...

* * *

Потрясенного замполита Звездина вели по райотделовскому коридору двое в штатском, слегка придерживая за обвисшие руки. Шел он сквозь строй сбежавшихся сотрудников, дико вращая вокруг себя ошалелым взором.

– А ведь тебе, голуба, предлагали по-доброму, – расслышал Звездин свистящий шепот из приоткрытого кабинета. Резко обернувшись, успел разглядеть торжествующую разбойничью физиономию. Столкнувшись с ним глазами, Листопад медленно приблизил средний палец ко рту, неспешно поспешил и показал поверженному, уничтоженному капитану.

Обмякшего замполита повлекли дальше.

– Не знаю, как ты ухитрился все это организовать, – следующий за траурной процессией комитетчик Юра Осинцев задержался возле свежезавербованного агента.

– Но, похоже, заповедь о милосердии к врагам ты пока не постиг. Чего собираешься делать?

– Так чего? Потусуюсь в Твери денек-другой. Не вся ещё водка попита.

– Не потусуешься. Дуй в Москву к дядьке.

– Откуда о дядьке-то узнал? – Иван почуял недоброе.

– Кто ж не знает вице-президента Академии Наук СССР? Потом он тут первым подписался.

– Где?!

– На некрологе. Профессор Листопад Андрей Иванович тебе?..

– О-отец.

– Тогда держи. И – прими, как говорится, соболезнования, – Осинцев выдернул из кармана сложенный номер «Известий», с разворота которого на Ивана глядел обведенный траурной рамкой отец. – Вчера похоронили.

* * *

Через полчаса в скорый поезд Архангельск – Москва, отходивший от платформы, влетел, разметав провожающих, здоровенный парень.

– До Москвы, – он отодвинул долговязого проводника и протиснулся в тамбур. – Билет взять не успел.

Поезд медленно тронулся от перрона.

– Деньги вперед, – присмотревшись наметанным глазом, потребовал ушлый проводник.

Не возражая, безбилетник равнодушно залез в карман и пересыпал в подставленную лодочку горстку монет.

Проводник остолбенело оглядел содержимое собственной, потряхивающейся ладони.

– Это что?

– Всё, что есть. Доллары, извини, отобрали. В Москву мне срочно надо, – пассажир кволо пожал плечом. Что-то припомнив, вытянул из кучки пяточок.

– На метро, – пояснил он и тем привел проводника в чувство.

– А ну давай нормально или я тебя сейчас к бригадиру! – зашелся он.

– Та зови кого хошь. Мне теперь всё едино.

И тут произошло то, чего в многообразной проводницкой практике до сих пор не случилось. Ражий детина вдруг замотал головой, сполз по стене на пол и истошно, навзрыд зарыдал.

Пятидневный вояж Ивана Листопада бесславно завершился.

Листопадово семя

Несмотря на то, что было крепко за полночь, в квартиру звонили. И – пренастойчиво. Тринадцатилетняя Таечка Листопад, выдернутая звонком из постели, открыла входную дверь и – зарумянилась от удовольствия, – на пороге стоял пропавший двоюродный брат. Рядом с огромным Иваном миниатюрная Таечка казалась тростиночкой, проросшей рядом с крепким камышом.

– Ванечка! А мы все так беспокоились, так беспокоились... Ах, да!

Она старательно изобразила подобие скорби, как сама ее понимала. Впрочем, скорбь не удерживалась на её подвижном личике. Понимая неуместность собственной радости и в то же время не умея удержать ее, Таечка виновато улыбнулась:

– Да раздевайся. Папа, похоже, тоже проснулся.

В самом деле, в прихожую, позевывая и натягивая на ходу цветастый халат, входил пятидесятилетний человек с плотной подбитой фигурой и упрямо оттопыренной нижней губой – Петр Иванович Листопад. Младший из двух братьев Листопадов. Отныне, впрочем, единственный.

– Объявился, наконец, племяш! – он раздвинул руки, и Иван с виноватым видом склонился навстречу, осторожно водрузив голову на покатое дядькино плечо.

Судьба оделила братьев Листопадов полной мерой. Одной на двоих. Старшему, Андрею, достались живость и пытливость ума, но и неприязнительность. Что сделало из него знаменитого на весь мир ученого – селекционера и профессора Кубанского госуниверситета, воспитавшего добрую половину краевых руководителей. Однако всякая попытка благодарных учеников выдвинуть учителя на начальствующую должность вызвала в Андрее Ивановиче непреодолимые приступы идиосинкразии. Так что в конце концов от него недоуменно отступились. Весь отпущенный на семейство административный пыл достался Петру. Был он, как деликатно выражались на банкетах, «крепким» ученым. Но не обладая выдающимися задатками естествоиспытателя, младший брат сумел доказать важнейшую из гипотез – предприимчивость в науке стоит таланта. Свои усилия Петр сосредоточил в сфере методологии руководства научными исследованиями со стороны советско-партийных органов. И преуспел – к сорока семи годам стал вице-президентом Академии наук СССР.

Может, именно потому, что делить братьям оказалось нечего и славу каждый обретал на собственном поле, они пронесли через всю жизнь нежную, не подгаженную «бытовухой» привязанность друг к другу. А еще общую любовь и боль, предметом которой стал единственный продолжатель Листопадова рода по мужской линии.

– Иван.

Вот на ком природа порезвилась не на шутку, соединив пытливый ум отца с живостью и приспособляемостью дяди. Но всего этого подкинула с избытком, не дозируя, добавив сюда же неумейной фантазии и для остроты – диких казачьих кровей. Так что старшие Листопады с тревогой ждали, чем разразится эта взрывоопасная смесь, – поразительными научными открытиями либо невиданными аферами.

– Где ж тебя в этот раз черти носили? – Петр Иванович с усилием отстранился, цепким взглядом прошелся по помятой племянниковой физиономии, всё для себя определил. – Ладно. Объявился наконец и – на том слава Богу.

Он задвинул ногой в угол клетчатый чемодан, испещренный яркими этикетками «Рим», «Париж», «Барселона»... – визитная карточка хозяина дома.

– Сами только с похорон вернулись. Мать-то извелась вся. И так горе. А тут еще о тебе, непутевом, голова болит. Ведь ни слуху ни духу. Тайка! – повернулся Петр Иванович к застывшей дочери, – дозвонись живо тете Даше, скажи, что нашелся. А ты – пошли в гостиную!..

Тридцатиметровая гостиная академика, как и вся пятикомнатная квартира на Котельниках, блистала изысками спецраспределителей – от немецкой люстры до чешского хрусталя на румынской «стенке».

– Как это случилось? – прохрипел Иван.

– Обширный инфаркт, – Петр Иванович выставил вазу с фруктами, неспешно разлил по рюмкам «Камю». И все-таки дрожь в пальцах скрыть не сумел. – На руках у меня, можно сказать... Вот до сих пор и не оправлюсь. Ну, помянем!

Крохотную рюмочку, затерявшуюся меж пальцами, Иван запрокинул в себя, будто стопку валокордина. Выдохнул:

– Отец, он что-нибудь сказал? Для меня?

– Для тебя – нет. Про тебя сказал. Завещал мне, чтоб в люди, понимаешь, вывести. Так что отныне для тебя здесь, можно сказать, отчий дом.

– Спасибо, дядя Петь.

– Спасибой в этот раз не отделаешься. Да, задал братан задачку, – Петр Иванович скептически оглядел схудившегося племянника. – Но – какова бы ни была последняя воля, а выполнить придется. Что делать думаешь?

Думать сейчас Ивану хотелось меньше всего. Потому неопределенно пожал плечом:

– Может, в армию офицерствовать загребут.

Но дядьку тем не сбил.

– От армии – это я тебя отмажу. Но и от друганов твоих криминальных тоже! Ты как к науке относишься?

– Дэк... – Иван поперхнулся.

– Отец хотел тебя в аспирантуру. Туда и пойдешь. Преемственность поколений. Да и перспективно. Через науку на большие высоты выйти можно. В общем, считай, Иван, мы посоветовались, и я решил: в Москве тебе болтаться нечего. Мне тут шепнули: большое дело по валютчикам готовится. На контроле!

Он заметил, что при этих словах косящий взгляд племянника заметался, будто стрелка компаса, под который подложили топор.

– Правильно опасаться. Торопин – твой дружок? Так вот, знаю, – разыскивают его. А там и до тебя недалеко. Надо затаиться. Съезди на лето к матери в Краснодар. Помоги отойти от горя. А к осени перебирайся в Калинин.

– В Калинин?!

– Бывшая Тверь. Если точнее, – в поселок Перцов. В тамошний сельхозинститут. Открылся несколько лет назад. Ректором мой корешок, Боря Демченко. Он, кстати, когда-то у твоего отца защищался. Я уж переговорил, – возьмет в аспирантуру. Учись, защищайся. Дурь из головы за это время, глядишь, повеетрится. А после поглядим, куда двинуть. Кстати, там тебя и в партию примут. Надеюсь, нет возражений?

Иван безысходно вздохнул, – спорить не приходилось. Каждый из братьев обладал собачьими качествами, без которых не смог бы добиться успеха в жизни: если отцу был дан нюх ищейки, то дядя Петя имел редкую, бульдожью хватку.

Номенклатурный лопух Вадичка

Сказав, что мать Антона обычная фабричная ткачиха, Жанночка Чечет воспользовалась устаревшей информацией. Как раз за два года до того Александра Яковлевна Негрустуева стремительно пошла «в карьерный рост». Сначала передовую, к тому же привлекательную еще крутильщицу избрали в профорги цеха, а затем и вовсе размашисто, ладьей двинули через несколько клеток, – председателем профкома комбината «Химволокно».

Когда Ленин говорил о кухарке, что станет управлять государством, он наверняка имел в виду Александру Яковлевну. Во всяком случае Антон был искренне в этом убежден. И оттого государству сочувствовал. Это до какой же скудости надо дойти, чтобы, перебрав десяток тысяч комбинатовских работников, вознести наверх его матушку, с ее заушными семью классами.

Как ни странно, именно карьерный рост Александры Яковлевны стал причиной трещины, образовавшейся в нежных дотоле отношениях сына и матери.

И даже не сам рост. Отношения испортились, когда в школе при Антоне мать назвали Фирсовской подстилкой. Кто такой Фирсов, он знал слабо, – кто-то из областного начальства. Но что подстилка и через это двинулась, понял досконально. И оттого морду сболтнувшему набил чувствительно. Однако к матери с того дня возникло брезгливое чувство, с которым боролся, но победить в себе не мог.

Сегодня Антон проснулся от резкого материнского голоса, – Александра Яковлевна кого-то распекала по телефону. В последнее время она усвоила этот начальственно – покровительственный тон.

– Что значит, в товарищах согласия нет? – вопрошала она. – Раз их в бригаду поставили, так и согласие должны найти... Причем здесь Крылов?.. Не знаю такого. Но надо будет, поставим на место и Крылова. Вызовем на профком, объясним задачу и всё сделает, как шелковый. Из какого он цеха? Ишь моду взяли – с начальством спорить.

Антон вскочил с кровати, пулей пролетел в соседнюю комнату, не церемонясь, вырвал у матери телефонную трубку и бросил на рычаг.

– Матушка! Господи! – простонал он. – Уж лучше б ты шпильки свои, как прежде, вставляла. А то позоришься перед всем миром. Стыдуха сплошная. Иван Андреевича Крылова она на профком вызывать собралась! Да он еще в девятнадцатом веке умер! Слышала хоть: «Беда, коль пироги начнет печи сапожник, а сапоги тачать пирожник»?

– Знаю, басня, – снисходительно подтвердила Александра Яковлевна. – Ее на днях на активе Первый как пример приводил.

Она горько поджала губы.

Оно и видно, что матери стыдишься, – недостаток образования Александра Яковлевна восполняла тонкой чувствительностью. – А чего стыдишься? Что одна-однова тебя на ноги подняла? Что квартиру вот эту трехкомнатную заслужила, когда другие по коммуналкам ютятся? Что колбаса в холодильнике не переводится? Между прочим, ЗИС, двойная камера, тоже не с неба свалился. А раз дают, стало быть, есть за что. Небось, когда тебя малолеткой посадить хотели, так я в кабинете начальника милиции на карачках ползала, чтоб прощение для тебя вымолить. И ничего – не стыдилась. Просто – сына спасала. Хоть и дура тебе мать, а не чужая. Так неужто взамен такое заслужила?

– Да не о том же я, – Антон смешался.

– А то не знаю, о чем! Да, не доучилась. Что ж? Зато, если мне чего из знаний не додано, то я партийным чутьем добираю. Со мной директор комбината не гнушается советоваться. Один родной сын, как нелюдь. Да где б ты щас был, если б меня на пироги-сапоги эти не выдвинули?

Она пригляделась к сыну. Примирительно потрепала за волосы:

– К матери у него придирки. Ткачихой – бабарихой при людях обзываешь. На себя лучше глянь. Неделю как из больницы. Едва спасли. И, пожалуйста, – веки-то вон, как у вурдалака. Опять с дружками гулял. А тебе про институт думать пора. Вступительные на носу. Надумал куда?

– На юридический. Надежная специальность. Опять же никаких ваших карьер.

Последнее почему-то рисовалось Антону немислимым благом.

– Юрист, конечно, – чистая работа, – нехотя согласилась мать.

– Но все-таки не магистральная. Так, услуга при начальстве. Ты не тушуйся, – выбери, что попрестижней. А я помогу.

– Да уж как-нибудь сам.

– Ну-ну, – Александра Яковлевна тяжело покачала головой. – Ты у нас во всем сам. В каждой бочке затычка. И за что мне такая напасть? Вот ответь, что тебе этот узбек в ресторане был? Сват? Кум? Ведь никто и звать никак. Сам полуживой! А полез заступаться. Ох, дорого мне, Антошка, твое правдолюбство дурацкое выходит! Надеюсь, в милиции опять хлопотать не придется?

Антон насупился.

Мать не раз пеняла ему историей, произошедшей за пять лет до того.

В одном из дворовых полуподвалов размещалась радиомастерская, незарешеченные окна которой выходили во двор. По вечерам, после окончания рабочего дня, мальчишки скапливались перед окнами и жадно разглядывали брошенные на столах дефицитные приемники, – неохраняемое, без сигнализации помещение словно напрашивалось, чтоб его обокрали.

Двенадцатилетний Антон явился к директору мастерской.

– Тебе чего, пацан? – буркнул запаренный человек в линялом халате, с чахлым пучком слежаных волос, будто нашлепнутых на потную лысину.

– Надо технику после работы убирать и потом решетки бы на окна, – строго сообщил Антон. – А то как бы бесхозяйственность. Нельзя так. Вам все-таки чужое доверено.

Из мастерской нахального шкета выдворили легким пинком под зад.

В ту же ночь Антон аккуратно отогнул гвоздики, через форточку влез в подвал и сгреб в сумку несколько приемников «Спидола» и магнитофон «Весна».

Утром принес добычу в милицию.

– Это я всё украл, – с гордостью сообщил он. – Чтоб доказать, что бесхозяйственность.

От наказания начинающего правдолюбца спасли юный возраст, материнские слезы и заступничество директора школы.

Правда, на окнах радиомастерской появились решетки.

– Ладно, позорище моё, давай прощаться, – Александра Яковлевна вздохнула.

Только сейчас Антон вспомнил, что мать вновь уезжает.

– Не надоело по семинарам-то шляться? – буркнул он.

– Семинары – часть моей работы, – отреагировала Александра Яковлевна, едва заметно смутившись. – Вернусь через два дня. И – гляди, Антошка, чтоб без гулянок! – Александра Яковлевна энергично подхватила сумку, подставила щеку. – Квартиру сдал!

– Квартиру принял, – Антон чмокнул мать, закрыл за ней дверь.

– Одно слово – ткачиха-бобориха! А ведь и впрямь поднимется. Вот она, загадка марксизма-ленинизма, – недоуменно поделился он впечатлением со своим отражением в зеркале.

Заглядевшись, ударился коленом о сваленные в углу книжные полки. За полками этими ломились, писались по ночам в очередях. Матери их предложили по большому благу, и не взять она сочла неприличным. Теперь, в ожидании огородного сезона, Александра Яковлевна выращивала в них рассаду.

* * *

Антон бросился к телефону, поспешно набрал номер.

– Жанночка, – прощebetал он. – Не хочешь в гости зайти? У меня журналы западные есть. Матушка из загранки привезла. Моды – купальники всякие. Фото цветные – отпад. А?

– И тебе мама разрешает их смотреть? – Жанночка хихикнула.

– Матушка уехала. На два дня, – Антон горячо задышал. – Приходи, а? Картинки полистаем. Под шоколадный ликер. Моё выздоровление отметим.

– А выздоровел?

– У меня еще торт «Птичье молоко» есть, – подрагивая все сильнее, интриговал Антон. – Придешь, да?

– Вряд ли. У меня вообще-то планы.

Антон облизнул пересохшие губы. Набрался смелости.

– Так отложи! Я тебе большую правду скажу: мне так тебя хочется.

– А то без тебя некому, – выпалила Жанночка и – зарделась. Ну что поделать, если резвый язычок ее был проворней неспешных мыслей.

– У меня еще двадцать рублей есть, – припомнил отчаявшийся сладострастец. – После в ресторан бы сходили, а?

– Двадцатник? – собиравшаяся повесить трубку Жанночка заинтересовалась.

– Слушай, а я как раз блузку присмотрела. Может, займешь? Буквально на два-три дня.

– Да чего занимать? Бери и всё. Так я пошел открывать?

– Разве только купальники глянуть.

Через минуту в дверь позвонили. Антон отодвинул задвижку. На пороге стояла молоденькая девушка в кримпленовом сарафанчике. Короткие пышные смольные волосы, взбившиеся вокруг худенького длинноносого личика придавали ей сходство с крашеным одуванчиком.

– Я – Лидия, – смущаясь, произнесла она.

– Да, конечно, – узнал Антон. Он смутился, – на нижнем этаже, в квартире Жанночки, шелкнул замок, послышалось постукивание шпилек по кафелю.

– Я вообще-то узнать, как ты, – пробормотала Лидия. – Проходила мимо. Подумала, может, тебе чего надо.

Признаться, что ему сейчас было надо, Антон бы все равно не смог. Тем более, в лестничном проеме показалась Жанночка, – прямо в наброшенном домашнем халате.

При виде ее Лидия оцепенела.

– О! – Жанночка удивилась. – У нас тут детсадовский групповичок намечается?

– Да нет, это так, – смешавшийся Антон отстранился, пропуская ее в квартиру, нетерпеливо посмотрел на нежданную гостью.

– Да, я просто так, – в спину Жанночке подтвердила Лидия. Личико ее сморщилось. – В общем, рада, что ты выздоровел.

Боясь расплакаться, она резко повернулась и припустила вниз.

– Эй! – спохватившийся Антон бросился к проему. – Спасибо тебе!

Дробот ножек был ему ответом.

* * *

Под вечер, проводив Жанночку, Антон в адидасовских тянучках курил на постели, бессмысленно улыбаясь в потолок. Мечта сбылась – он наконец стал мужчиной.

В квартиру вновь позвонили.

Антон неохотно поднялся, отпер замок и в недоумении отступил, – на пороге стоял патлатый.

– Вадимом меня зовут, – сообщил патлатый и лучезарно добавил, – для особо приближенных можно запросто – Вадичка. С нечаянной тебя радостью, хозяин, приглашай в дом дорогого гостя.

Он сделал попытку втиснуться внутрь. Но уткнулся животом в ногу, шлагбаумом перегородившую косяк.

– Чего приперся?

– Замириться. И вообще...

Антон догадался.

– Что, в милиции пуганули?

– Было бы чем, – Вадичка пренебрежительно фыркнул. – Вот если б ты коньки отбросил, тогда неприятно. А так, просто надо, чтоб заявление написал, мол, без претензий... Не хочется, чтоб папаша узнал. У меня папаша, между прочим, секретарь вашего обкома. Непомнящий, – слышал, конечно?

Антон безразлично повел плечом.

– Дурацкая, конечно, у нас с тобой шкода вышла, – посетовал Вадичка. – Но, если подойти к происшедшему с философической точки зрения, во всем виноваты черные.

От такого пассажи Антон оторопел.

Негры, что ли? – неуверенно предположил он.

– Да хоть и негры. А больше чебуреки всякие. Белому человеку из-за них житья нет. Я тебе как славянин славянину скажу: если мы их сегодня не задавим, завтра они нас давить начнут. Закон селекции. Улавливаешь?

– Улавливаю, кажется. Расизму-то папочка обучил?

– Не, это я сам дошел, – без стеснения сообщил Вадичка. – Папаше такое вслух нельзя. Зато, если что, отмажет. Погундосит, но отмажет. Ему судимый сын не с руки.

Вадичка не солгал, – проросший, словно лопух среди декоративной номенклатурной травки, он давно превратился в головную боль своих родителей.

Непутевый сын высокопоставленного партийного функционера, пристроенный отцом в МГУ, с первого курса вел богемный образ жизни, пропадая неделями то на каких-то несанкционированных Грушинских фестивалях авторской песни, то в общаге ВГИКа или среди художественного поп-арта, хотя сам не пел, не играл, не рисовал. Зато слыл за нужного человека. Деньги, в которых отказывали родители, научился добывать, приторговывая аудиокассетами, джинсами «Левис» и часами «Сейко». А к началу восьмидесятых и вовсе выдвинулся, – стал заметным по Москве театральным спекулем. Дважды попадался и дважды отец, скрипя зубами и чертыхаясь, спасал его от уголовной ответственности.

И единственно, о чем Непомнящий-старший втайне от всех молил Всевышнего, – чтобы грех богемности не перерос в несмываемый позор диссидентства. Именно потому на пятом, последнем курсе он перевел сына в Калининский университет, – всё-таки под приглядом.

– Если б еще и «бабок» подкидывал, цены б ему не было, – посетовал Вадичка. – Сам-то привык на готовеньком. Тургеневскую проблему знаешь?

– Отцов и детей?

– Черта с два. Детей и отцовских денег.

Антон озадаченно взъерошил курчавые волосы. Всё, что говорил этот толстогубый малый с сальными патлами и тонким скандальным голосом, вызывало в нем протест. Но ёрническая, бесстыжая манера, в какой это подносилось, притягивала. Он все-таки поморщился:

– А слышал такую поговорку: «Не имей сто рублей, а имей сто друзей?».

– Еще чего, – Непомнящий сцыкнул. – Когда «бабки» есть, и друзья отовсюду сыпятся. А нет, так и борщецу Вадичке налить на халяву некому.

Топтаться в дверях Вадичке надоело.

– Я, между прочим, у папаши из бара коллекционный «Мартель» прихватил, – объявил он. – Примирительный. Или уносить? Только имей в виду, Вадичку в корешах занять – это, я тебе скажу, большая удача. Человек я штучный, яркий.

– Как мухомор.

– Что ж? Не без того. Ядовит. Зато обаятелен, – будто сказав что-то очень остроумное, Вадичка залиvisto захохотал.

– Так что?

Антон посторонился, пропуская гостя и, кажется, нового приятеля.

Деньги из асфальта

В воскресный сентябрьский полдень в старинном ресторане «Селигер», расположенном в центре Калинина, Иван Андреевич Листопад вкушал солянку. Золотистую мясную солянку на почках, приготовленную стариком Демидычем, о котором шла слава, что секрет необыкновенного блюда перенял он аж от шеф-повара императорской кухни, при которой состоял поваренком. Слава Демидыча и его удивительной целебной солянки растянулась во всю длину Октябрьской железной дороги. Нередко из поездов Ленинградского направления вываливалась угрюмая артистическая братия и спешила к Демидычу подправить самочувствие соляночкой, после чего, сытая и остограмленная, растекалась дальше – кто на съемки в Питер, кто на спектакли в Москву.

Впрочем Иван сегодня не испытывал ни гордости от приобщения к избранному кругу ценителей, ни удовольствия от самой соляночки, – хлебал себе, будто суп-лапшу из военторговской столовой, изредка разбавляя стопарем водки.

Худо было Ивану. Как всякому, кому было слишком хорошо накануне. Что же впрочем произошло накануне? Иван напрягся, припоминая. Ну, то, что надрался без затей, – так это ничего нового. Кажется, какой-то упертый швейцар никак не хотел пропустить его в ресторан «Центральный». Де, не могу-с в пьяном виде. Тогда он многозначительно пошуршал завалившейся в кармане оберткой от шоколадки, швейцар отодвинулся с дороги и даже поддержал под ручку. После, уже за полночь, шел посреди Советской и, расставив в стороны руки, пытался загрести всех встречных барышень. При этом почему-то кричал: «Хрюшки! Отдаюсь задаром. Доставлю немислимое блаженство!» И – что ты думаешь? Все-таки отловил какую-то разудалую деваху. И, конечно же, насчет блаженства надул, – добравшись до койки, захрапел, будто обессиленный, достигший берега пловец.

Лишь наутро он разглядел, что пригрела его не кто иная как подруга Феликса Торопина Нинка Митягина. Сама Нинка, оказавшись в постели с дружкой любовника, по этому поводу не слишком комплексовала. Она бы выглядела вполне беззаботной, если бы не естественная хмурость неудовлетворенной женщины.

Нинка оставалась всё той же: взрывной и сентиментальной одновременно. Она по-прежнему работала официанткой. Лихо обсчитывала клиентов. Если требовали счет, обижалась и впадала в слезливость. И тогда крупные слезы выкатывались одна за другой, будто вагоны метро из тоннеля – в часы пик. При виде крокодиловых Нинкиных слез клиенты впадали в ступор и – платили беспрекословно.

– Феликс-то пишет? – смущенно поинтересовался Иван.

– Да от него разве дождешься? Так, получаю весточки, – Нинка огладила золотую цепочку.

– Чего ж меня-то тогда в постель затащила?

– А что тебя? Господи, нашел о чем. Я ведь ему верная.

Нинка говорила вполне искренне. Она и впрямь оставалась верна своему Феликсу самой надежной женской верностью: не телом, – душой.

– Говорят, за него проплатили, чтоб досрочно выпустить. Так что со дня на день вернуться должен! – сообщила Нинка. – Может, в Сочи отвезет.

– А может, отметелит, если про гульки узнает.

– Это уж не без того, – она улыбнулась чему-то своему – приятному.

– А потом все-таки в Сочи. Вот погляди, чего доканчиваю.

К возвращению Феликса искусница Нинка вязала ему махеровый джемпер.

Именно Митягина, торопившаяся на смену, и соблазнила Ивана пресловутой соляночкой с почками, над которой он теперь корпел, ощущая себя худо и скверно.

Худо ему было от вчерашнего. А скверно – от всего года, прожитого в ставшем ненавистным Калининне. Скука и однообразие владели Иваном. Он, конечно, помнил о необходимости поскорей написать кандидатскую диссертацию, но – странное дело: оказавшись в обстановке, когда всё, казалось, к этому подталкивало, Иван не мог заставить себя сесть за работу.

То есть поначалу взялся он азартно. Проводить эксперименты, сопоставлять полученные данные с общепризнанными и выстраивать собственные гипотезы показалось любопытным. За каких-то полгода он, не напрягаясь, написал три четверти положенного объема. Оставалось лишь разнести текст по главам, приписать вступление со ссылками на материалы последнего съезда КПСС и подготовить практические предложения. Но на предложениях его и застопорило, потому что увидел то, на что поначалу не обратил внимания. Он решил поставленную задачу. Но реализовать предложения на практике было заведомо нереально. В Советском Союзе просто отсутствовала техника, на которой можно было бы испытать предлагаемые нововведения. Получилось, что он собрал кубик Рубика, – вроде как шахматную композицию решил. И Иван затосковал. Не то, чтоб он вовсе охладел к науке, не то, чтоб забыл, ради чего оказался в провинции, но все это стало казаться пресным, дистиллированным.

Напрасно сам ректор Борис Анатольевич Демченко уговаривал Листопада быстренько оформить написанное и вынести на обсуждение. Одна мысль о бесполезной работе стала вызывать у него рвотный рефлекс, как после перепоя.

Перепои тоже не заставили себя ждать. Поначалу Иван попробовал сблизиться с соседями по Перцовскому общежитию – иногородними аспирантами и неженатыми ассистентами кафедр. Но они оказались скучны и скользки. В их обществе можно было пить, но не выпивать, – неприемлемые Ивановы высказывания сами собой становились известны на кафедре. А выпить хотелось, – и чем дальше, тем сильнее, так что в какой-то момент он перестал отказывать себе в этом удовольствии. В институте заговорили о громких загулах блатного аспиранта. После гулянки с двумя мутноглазыми подружками, которых Иван подобрал на вокзале и привёз в Перцов, уборщица обнаружила в его комнате закатившийся за кровать шприц. В ректорат стал заглядывать местный участковый.

Собственно, если называть вещи своими именами, только благодаря ректору Ивана еще держали в институте. Сначала Борис Анатольевич Демченко поддерживал молодого аспиранта в силу обещания, данного дядьке. Но, ознакомившись с первыми наработками, вызвался стать научным руководителем. И с тех пор опекал Листопада, неустанно внушая ему, что зарывать такой талант – преступление.

– Не откладывай работу на будущее. Запомни, Иван, научная мысль – она тоже свежесть имеет, – твердил он. – Либо ложится на бумагу, либо вытекает со спермой. А из тебя, судя по жалобам, уже не меньше двух диссертаций вытекло.

В конце концов, дабы сбить страсти, Демченко попросту договорился с Калининским университетом и откомандировал аспиранта Листопада на кафедру прикладной математики – якобы для завершения работы над теоретической главой, а на самом деле – от греха подальше. Все-таки от города до Перцова аж семь километров.

Но для самого Листопада это мало что изменило. Иван чувствовал, как увядает, погружается в топкое, беспросветное болотце, из которого – еще немного и не будет выхода. Все было кисло, мелкокалиберно. Его деятельной, бурной натуре не хватало борьбы и преодоления.

Листопад потянулся к графину.

– Здорово, Ваня, друг старинный! – послышалось сзади.

Иван круто развернулся. Подле стола, опираясь лайковыми перчатками на витуку, мореного дуба трость, ему улыбался – легкий на помине – Феликс Торопин. В кремовом, ловком на нем костюме и шикарных, остроносых шузах.

– Феликс! Друган! – подогретый выпитым, Иван вскочил, шагнул, распахнув объятия, и – остановился.

Улыбочки Феликса были, как фирменный набор его отмычек и «писок», – на все случаи жизни. Нынешняя улыбочка казалась острой и опасной, будто лезвие отточенной монетки, которой вспарывал он карманы ротозеев.

Причину холодности понял бы и человек, куда менее чуткий, чем Листопад.

– Так, вижу, какую-то пургу про меня нагнали! Ну-ну, – Иван вновь опустился на стул, – оправдываться он не любил. А Торопин ждал именно этого. «Хрена тебе»!

С преувеличенным удовольствием, причавкивая, Листопад вернулся к солянке.

– Чем велик Демидыч, так это почками, – он облизнулся. – Другие почки в солянку не кладут. Потому и золотистого навара нет. А без него солянка не та. Опять же маслина здесь совершенно к месту. Именно маслина, а не оливка. Особенно под «Столичную». Или по-прежнему коньячишко предпочитаешь?

– Как придется, – Феликс опустился-таки напротив, положил поверх скатерти трость. Перчаток впрочем не снял.

Но когда Иван потянулся к графинчику, Торопин, опережая, демонстративно перевернул стоящую перед ним рюмочку.

– Ну-ну, была бы честь оказана! – буркнул Листопад: встреча не складывалась. – Давно «откинулся»?

– Какие ты, оказывается, слова знаешь, – Феликс недобро хмыкнул. – Вчера подъехал. Очень, признаюсь, мне тебя на зоне не хватало.

– С чего бы?

– Скушно без стукачей.

Слово было сказано. Иван побагровел. Почувствовал, что рука его почти бесконтрольно начала сгибаться в локте.

Заметил движение и Феликс и потому предостерегающе кашлянул. Этого хватило, чтоб Листопад опомнился, – не хватало еще проблем с воровским кодлом. Времени хватило и для того, чтобы быстрый, будто калькулятор, Листопадов ум, прикинул, откуда могла пройти информация.

– Замполита Звезда работа, – констатировал он.

Даже мускул на лице Торопина не дрогнул. Но именно отсутствие реакции подтвердило Листопаду – с источником информации он угадал. А потому позволил себе широко и презрительно усмехнуться. Честно говоря, – облегченно. Он уже просчитал все, что будет дальше.

– Мы, между прочим, когда-то корешковали, – сквозь зубы напомнил Листопад. – Так что прежде чем всякую ментовскую туфту на веру принимать, мог меня спросить.

– В корешах у тебя граждане-товарищи из КГБ. Хотя опер стукачу не товарищ. Он его пользует. Использует и – выкинет. А ты с этим жить будешь.

– А ты с чем будешь, после того как я тебя сейчас пошлю по дальнему адресу?! А потом, когда-нибудь, прознаешь, что купился на дешевую лажу мента-взяточника, и – корешка за здорово живешь с грязью смешал. А?! – рыкнул Листопад, заставив редких утренних посетителей испуганно сжаться. – А тебе, паскуде, твой дружок, бывший замполит Звездин, часом, не сказал на параше, как я его на зону умыл?

По слегка озадаченному Торопинскому виду понял, – ничего об этом он не знает.

– Мы с ментами на разные параша ходим, – отругнулся Феликс. Но без прежнего напора.

– Так вот объясняю. Один раз! Тебе! Больше никогда никому. Просто, если кто попробует вякнуть, втюхну в рыло, а там и... Договорились? Тогда слушай, как я из-под ментуры ушел!

Голос начавшего рассказывать Листопада побулькивал. Торопину казалось – от негодования. На самом деле это фонтанировала причудливая смесь, в которой обида перемешалась с облегчением, – оттого, что на этот раз он говорит правду, и все сложилось так, как сложилось.

... – Хоп! Я все сказал! – закончил повествование Листопад, умолчав о единственном – данной подписке о негласном сотрудничестве. Этого замполит Звездин доподлинно знать не мог.

– Положим, – процедил Торопин. – А если бы не эта «кидуха»? Вербанулся бы?

Внезапно взгляд его, острый, как «писка», оказался у Листопадовых глаз.

– Не знаю, – почти честно ответил Листопад. – Прижат был до предела.

«Писка» отодвинулась. Торопин вальяжно откинулся на стуле. Он не то чтоб до конца поверил, – жизнь научила до конца не верить никому, хотя бы потому, что полной правды о себе никто не знает. Но – объяснение принял.

– А теперь, Феликс, – Листопад, прочувствовав, что ситуация переменялась, набычился, – или ты извинишься, или – вставай и свинчивай отсюда втихую, пока я тебе в горячах какой-нибудь фикус на башку не нацепил.

В ответ Торопин поддел рюмку и приглашающим жестом заново перевернул ее. То есть извинился. Затем сделал едва заметное движение шеей в сторону подсобки. Но голову при этом не повернул, – назначением жеста было не стремление обнаружить обслугу, а дать понять, что ей разрешается подойти.

Сомнений, что жест этот будет не то чтоб даже замечен, а – уловлен, Торопин, похоже, не испытывал. В самом деле бездельничавший на другой стороне зала молоденький официант, ранее, по наблюдениям Листопада, безразличный к призывам клиентов, поймал жест и, подхватив по дороге поднос с объедками, припустил в подсобку, бросив на ходу:

– Обслужим в минуту.

Только после этого Торопин неспешно принялся стягивать перчатки со своих изящных трепетных пальцев, коими Всевышний облагодетельствовал три людские профессии: скрипачей, воров-карманников и карточных шуллеров. В этом узком элитном клубе Феликс Торопин состоял членом сразу по двум номинациям. По двум последним.

– Роднуля! Вернулся! – не крик, – восторженный вопль несущейся по проходу Митягиной прорезал ресторан. Торопин поднялся с некоторым волнением и тут же был смят: налетевшая Нинка обхватила его, принялась беспорядочно тыкаться губами. Потом отстранилась, сияющими глазами всмотрелась в обмазанное помадой лицо, рассмеялась увиденному и – своему счастью.

– Уймись, зараза. Люди смотрят, – Феликс с усилием высвободился, стесняясь ее эмоций и собственных чувств. – Вернулся, что ж верещать? Для того и садятся, чтоб вернуться. Самато как тут без меня? Поди, направо и налево?

– Господи! Да о чем это ты! – Нинка всё не могла налюбоваться. – Да причем тут!.. Я ж тебя одного!.. Феликсулечка! Если б знал, как мне без тебя плохо было! Как тяжело! Уж как ждала, как ждала!

Усевшись на свободный стул, Митягина зарыдала – взхлёб.

Смущенный Торопин потряс ее за рукав:

– Будет тебе! Что ты, как мужа с войны... Сгоняй-ка живо за коньячком. Помнишь еще?..

– «Арарат»! – торопясь, опередила Нинка. – Как раз заначила, будто знала. И – лимончик под песочком! Просто в минуту!

Она устремилась к подсобке. На выходе обернулась, будто боясь, что Феликс окажется видением, и – исчезла.

– М-да, – Торопин отер кончиками пальцев вспотевшие виски, заметил след помады, усмехнулся растроганно. – Вот бабё! Знаю, что с половиной города переспала. Но ведь как рада! Без дураков. Не, я еще, когда первый раз в кабаке приметил, сразу определил, – моя баба. Душой моя! Эх, жизнь подлянка! Наливай, Ваня. Как там твой кубанский дружок Рахманин говаривал? Ломанем, пока при памяти.

И – сделалось им хорошо!

Все стало почти как прежде. Они сидели, сбросив пиджаки, в обнимку. Феликс, отбывший наказание в Средней Азии, вынес оттуда идею насчет наркотического трафика из Душанбе. Оставив обычную осторожность, он уговаривал Ивана поучаствовать в новом, сулящем невиданные барыши деле.

Иван слушал, поддакивал. Но – чем больше в Феликсе проступал прежний «ближний его друган», чем приятней – внешне – становилось им друг с другом, тем далее – внутренне – отдалялся он от приятеля. Это никак не проявлялось. Он даже не размышлял об этом. И не было мыслей расстаться и не видеться – как «завязавший» алкоголик бежит распивочных компаний. Зачем не видеться, если встретил он человека под стать самому себе – отвязного, разухабистого, не знающего удержу в желаниях. Но другое крепло в нем твердо – с Феликсом он в гульках, но не в криминале. С этой узловой станции ему посчастливилось отъехать и – возвращаться не собирался. Его состав разгонялся, хоть и медленно, – по другому маршруту.

Через час Нинка договорилась о подмене и уволокла Торопина к себе домой.

Уже попрощавшись с Иваном, Феликс вдруг вернулся, склонился над самым ухом:

– Чуть не забыл насчет Звездина. Похоже, ты не в теме, – он ведь тогда выскользнул. Выпустили за недоказанностью и даже, насколько слышал, опять в ментуру вернули. Так что – бди! Если узнает, что ты в городе, добром не кончится.

Феликс хлопнул его по плечу и исчез.

Оставшийся в одиночестве Иван нахмурился, – положительно, всё подталкивало его к тому, чтобы слинять из ненавистного городка.

* * *

Иван, зажав под мышкой папку с диссертационными набросками, чудом сохранившуюся накануне, брел вдоль Волги по набережной Степана Разина. На другой стороне реки под заходящим солнцем золотился шпиль речного вокзала, из-за которого сгнившим клыком торчала разваленная часовня бывшего Отрочь монастыря.

В начале сентября в Твери всё еще бушевало лето.

Среди буйной, желтеющей листвы исчез покорябанный, унылый губернский городок. Даже знаменитая Казаковская набережная помолодела. Старинные двухэтажные дома, соединенные арками в непрерывную цепочку, – тухлятые, иссеченные трещинами, с сыпящейся штукатуркой, – кокетливо выглядывали из густых тополей, будто молодящееся старичье восемнадцатого века из-за пышных вееров.

Асфальт к концу дня парил, остывая. Жара спала.

Все живое было исполнено неги и умиротворения.

На ближайшей к Ивану витой скамейке двое парней приобняли с двух сторон грустную девушку с головой, покрытой платочком, и в чем-то горячо ее убеждали. Скучающему Ивану хотелось развлечений.

– Это шо за групповуха в общественном месте!?! – гаркнул он.

– Девушка, вы им не верьте. Наобещают, а потом непременно надуют.

Парни подняли готовые к отпору лица, и – Иван узнал обоих. Антон Негрустув и – удивительно – тот самый патлатый, что когда-то избивал его возле мотеля.

Узнали и его. В следующее мгновение колючее выражение лица Антона Негрустужева начисто смылось. Карие глаза его наполнились радостью.

Ни мало не обращая внимания на прохожих, он вскочил на скамейку и прямо с нее запрыгнул на Ивана, едва не сбив с ног.

– Что ж не позвонил, что в Твери? (Как всякий коренной тверичанин, Антон презрительно игнорировал официальное название города). Или забыл, что у тебя здесь крестник

живет? – сбивчиво выкрикивал он. – Да если б не ты, я б сейчас не студентом на юрфаке, а на городском кладбище числился. Ведь я тебя, подлеца, разыскивал!

Иван, в свою очередь, в волнении охлопывал его по раздавшимся плечам и сам удивлялся, как это за целый унылый год не пришло ему в голову навестить непосредственного этого мальчишку. Но зато понял другое: отныне они не скоро расстанутся.

Девушка на скамейке всхлипнула. Из-под сползшей косынки открылись золотистые, в рыжину, пряди.

– Познакомься, Ваня, – Антон отступил. – Это Вика.

– Вика – это только с моего разрешения. А так – Виктория, – быстро забил «вешки» патлатый. – Моя чувиха. Будет хорошо себя вести, доставлю неслыханное счастье, – возьму за себя замуж.

Богатая бровь Златовласки поползла вверх.

– Я пока своего согласия не дала, – отреагировала она, обращаясь отчего-то к Листопаду.

– Как это не дала, когда давно всё дала?! – захохотал Патлатый, подмигивая остальным.

Лицо девушки вспыхнуло стыдом и обидой.

Листопад недоуменно скосился на Антона.

Тот только руки развел:

– Познакомься – Вадим Кириллович Непомнящий! Что называется, человек без комплексов. Недели не проходит, чтоб во что-нибудь не вляпался. На него даже папа рукой махнул. Между прочим, наш секретарь обкома.

Не дослушав, Иван подошел к скамейке, присел на корточки.

– Как же тебя угораздило, девчушка, в такое счастье ввалиться? – посочувствовал он. Вика едва заметно повела плечом, – теперь, спустя полгода после знакомства с Вадичкой, она и сама этого не понимала.

Иван меж тем зацепил в лапищу прядь золотистых волос, потер их меж пальцами:

– Неужто и впрямь настоящие?

Вика польщенно улыбнулась, подняла на него синие заплаканные глаза.

Он осторожно снял пальцем слезинку со щеки:

– Случилось что?

– Угу, – подтвердила девушка.

– Беда у неё, Ваня, – объяснил Антон.

Оказалось, что Вика – группорг первого курса музучилища – собрала у однокурсников сто двадцать рублей на концерт Пугачевой в Москве. Деньги должна была в девять вечера передать проводнику поезда в обмен на билеты. Час назад в троллейбусе деньги вытащили из кармана.

«Жаль, Торопин ушел. Это как раз по его ведомству», – хмыкнул про себя Иван.

– Ещё подумают, что зажилила, – от ужасного предположения Викины губы задрожали.

– Шо ж ты, горлан? – обратился Иван к патлатому. – Не можешь для невесты денег добыть?

– Да я б с чистым сердцем. Только папаша с мамашей как на зло в Крым укатили. Разве что на паперти насобирать.

Со стороны горсада к ним подходило несколько человек.

Вадичка изогнулся, сорвал со лба повязку, отчего длинные сальные волосы разметались по лицу, перетянул ею один глаз и, выставив вперед правую ладонь, прихрамывая, двинулся наперерез.

– Подайте сто двадцать рубчиков на пропитание, – заканючил он.

Перепуганные прохожие боком-боком добавили шагу.

– Жлобье неинтеллигентное! – крикнул вслед Вадичка. Победно повернулся. – Ну, видали?

– Уж сколько раз видали, – Вика равнодушно отвернулась.

– Вань, может, у тебя в заначке завалилось? – с надеждой произнес Антон. – Я б с утра у матушки перехватил, вернул.

Иван насмешливо присвистнул, – слово «зачачка» в его лексиконе не значилось. Деньги уходили, как приходили, – в один-два дня.

Он собирался отшутиться. Но Антон смотрел с такой наивной верой, да и полный отчаяния взгляд Златовласки доставал до сердца.

– Где ж я вам за час деньги найду? – нахмурился он. – Если только из асфальта брызнут.

– Если б деньги под асфальтом валялись, так я б из дома без кайла не вышел! – загоготал Вадичка. Но шутка его осталась незамеченной. И это сильно уязвило Вадима.

Вадим Непомнящий привык быть в центре внимания. Всегда и всюду. И вот только что его с легкостью, да что там с легкостью? Походя отодвинули на второй план, кажется, вовсе не заметив этого.

Меж тем Листопад, махнув остальным, двинулся дальше вдоль Казаковской набережной привычным своим, размашистым шагом. Зажав под мышкой папку, обе руки он отбросил за спину, будто отмахивался на ходу от нечистой силы.

Иван продумывал варианты и отбрасывал их один за другим, – все они требовали времени. А времени не оставалось.

Как часто у него бывало, озарение пришло вроде бы ниоткуда. На этот раз из глубокой трещины, рассекшей двухэтажный дом, перед которым на скамеечке в ожидании программы «Время» млело несколько пенсионеров.

Взгляд Ивана вдохновенно закосил.

– Как будто здесь! – внезапно, начальственным голосом объявил он. Остановившись, расстегнул папочку, сверился с чем-то внутри и решительно ткнул в асфальт. – Отсюда копать и начнем.

Он провел в воздухе линию, рассекшую дом надвое. И – будто палку в улей воткнул, – скамейка, до того разморенная, встревоженно загудела.

Листопад оглянулся на сопровождающих. Все трое как остановились, так и стояли остолбенев. И это могло сорвать Иванов план.

– Вы б, молодые люди, посерьезней! – прогремел он. – Выехали на профиль местности, так начинайте работать. Здесь по плану магистраль пройдет? Не слышу!

– Угу, – сообщила Вика. – Как будто.

Уголкем глаза Иван заметил, как одна из старушек бочком-бочком припустила под арку, – явно за подмогой.

– Шо значит как будто? – Листопад рассердился. – Вы кальку захватили? Шо, тоже нет? Вика виновато пожала плечами.

– И никто другой, конечно? – взглядом Иван изничтожил оробевших Антона и Вадичку. – От оно, головотяпство наше рассейское! Никому ни одной мелочи передоверить нельзя. Мы ж завтра с утра этот дом сносить начнем, – доверительно сообщил он жильцам. – За ночь надо подогнать экскаваторы, бульдозеры. А им – всё хаханьки! Повыгоняю на хрен! – рыкнул он на Вику, заставив ее на всякий случай всмотреться, – а вдруг не шутит.

Пенсионеры дружно повскакали на ноги, безошибочно распознав по рыку большое начальство. Мелкое – оно обычно орало дурниной. Рык – удел высокого руководителя.

– Погодите-ка, – Иван озадаченно уперся взглядом в легкомысленные домашние тапочки и тянучки людей. – А вы шо тут вообще делаете?

– Как это? Живем, – робко ответили ему.

– Шо значит живем? – прошипел Иван, всей громадой разворачиваясь к впавшему в ступор Вадичке.

– Вот тебя-то я точно выгоню, – пообещал он, веселясь. – Завтра ломать, а тут, оказывается, до сих пор люди живут? Почему не обеспечил?!

Пенсионеров начала колотить коллективная дрожь.

– Это советские люди! – гремел меж тем Иван. – Партия учит, – не они для нас. Мы для них!

Из-под арки в сопровождении старушки показался коренастый мужчина средних лет в надетом на голубую майку пиджаке с университетским «поплавком» на лацкане. Редкие пучки волос тревожно колыхались на ходу. Следом торопились прослышавшие о неожиданной беде жильцы в пижамах и халатах. Кто-то выскочил, обмотанный полотенцем, – видно, прямо из ванной, и – почему-то с портфелем.

– Игнатенко! – выпячивая вперед значок, представился мужчина. – Председатель домового комитета. Что здесь, позвольте узнать, происходит?

– Хорошо, что вы оказались на месте, товарищ Игнатенко, – Листопад выставил ладонь. Чтоб пожать ее, низкорослому Игнатенко пришлось привстать на цыпочки. – Поможете при эвакуации!

– Какая еще эвакуация?!.. – взвизгнул Игнатенко, но Иван жестом показал ему место подле себя, оглядел жильцов, которых с каждой минутой прибавлялось. Требуя внимания, поднял руку.

– Товарищи! Мне приятно доложить, что областной исполком депутатов трудящихся отреагировал на ваши жалобы по поводу аварийного состояния дома и принял решение на месте вашего дома провести тепломагистраль!

– А мы? – среди полного обалдения спросил тихий голос.

– Да уж не беспокойтесь. Власть своя, не бросим, – пресекая зарождающийся шум, Иван вновь приподнял руку. – Завтра утром развезем по общежитиям. А после расселим. В самом деле довольно вам ютиться без горячей воды!

– Но позвольте! Ведь никто ни сном, ни духом. И вдруг откуда ни возьмись – здрасте-пожалуйста, – Игнатенко оправился. – У нас в районе вопрос о сносе даже не поднимался. Я на все собрания в домоуправлении хожу!

Голос его наполнился подозрительностью.

– Товарищ прав, – Иван приобнял и прижал к себе председателя домкома, отчего у того перехватило дыхание. – К сожалению, имеют место накладки. По нерадивости отдельных бюрократов решение, как вижу, не было своевременно доведено. И я от лица областных властей заверяю вас, шо виновных накажем по всей строгости!

Листопад погрозил пальцем окончательно перетрусившему Вадичке.

– Но позвольте, товарищ...э? – председатель домкома выжидательно сглотнул.

– Для вас просто Пал Палыч, – разрешил Иван.

– Но позвольте, товарищ Пал Палыч. Зачем же так круто? Мы действительно писали о безобразиях с горячей водой. Но не в смысле же, чтоб нас вовсе... – он оглядел остальных жильцов, слегка отошедших от первой оторопи и готовых сорваться на крик. – К чему нам горячая вода, если нас самих отсюда...того этого? Мы здесь десятки лет...

– Так тут еще...вот! – жилец, обмотанный полотенцем, ткнул портфелем в табличку на углу дома.

– Именно! – Игнатенко, найдя опору, приободрился. – Это, позвольте заметить, Казаковская набережная! То есть памятник архитектуры, охраняемый государством. Сносу не подлежит.

Сплотившиеся вокруг жильцы согласованно загудели.

Игнатенко глубоко задышал, готовясь перейти на повышенные тона. Подметивший это Иван дружески ткнул его в выпирающее из-под майки пузо. И будто проткнул, – набранный воздух с неприличным шумом вышел наружу, заставив председателя домкома побагроветь.

– Ишь ты, сносу не подлежит! – Листопад горько скривился. – Ан – сносился! От властей требовать – это мы всегда готовы. А сами? Захламили, обгадили Казакова, что весь затрухлявился, а чуть что – им же и прикрывается. Каким-то духаном из арки тянет. Шо за вонь?!

– Так неделю пищевые отходы не вывозят. Сколь звонили! – выкрикнули из толпы.

– В общем не умеете за собой следить, так нечего и претендовать. Предлагаю разойтись по квартирам и приступить к сборам. А мне еще подсчитать требуется, сколько вызывать экскаваторов. Опять же баба копра, буровые.

Он извлек чистый лист бумаги, ручку и начал озабоченно что-то накидывать.

– Ничего, – успокоил своих Игнатенко. – Время, правда, позднее. Но я дежурному по исполкому позвоню. Ничего! Не допустим.

Он побежал в арку.

К Ивану подошла оробевшая Вика.

– Милицию вызовет, – шепнула она, подрагивая от страха и азарта. Таких приключений в ее жизни никогда не случалось.

– Может, уйдем?

– Жди! – отрубил Листопад. Заметив, что за ними наблюдают, он вновь принялся мерить шагами асфальт.

Меж тем распахнулось окно на втором этаже, и оттуда показалась сконфуженная физиономия Игнатенко.

Дозвонился, – сообщил он. – Из начальства никого нет. А дежурный не в курсе. Но говорит, раз готовятся копать, значит, решение имеется. Так что пока прошу без паники. С утра попробую прояснить. Хотя... что уж там с утра?

Он безысходно махнул рукой и захлопнул окно. Вера в успех из него вышла, должно быть, вместе с воздухом. И это почувствовали.

Стало окончательно ясно, что рассчитывать на помощь государства не приходится.

Растерянные люди, всего двадцать минут назад имевшие какую-никакую крышу над головой и вот теперь внезапно приговоренные к бомжеванию, заметались. И как-то само собой в воздухе прошелестело: «Может, надо дать»?

К вышагивающему Листопаду притерлась полная домохозяйка, побойчей прочих, робко потянула за рукав.

– Простите, товарищ! Мы тут чего подумали. А нельзя ли как-то по-другому?

– Шо значит по-другому? – Листопад неохотно отвлекся от расчетов.

– Ну, в смысле... – она воровато оглянулась, – слух о неожиданном бедствии уже полыхнул по всему Казаковскому комплексу, и из окон начали выглядывать обеспокоенные соседи. В лице домохозяйки проступила отчаянная подлючность. Она привстала на цыпочки и полупшепотом, торопясь, закончила.

– Может, через соседний дом эту вашу магистраль пустить?.. Вам-то не все едино? У них, сволочей, мусор и вовсе месяц не вывозили. И – трещина по фасаду пошла хуже нашей. Только они ее замазали, чтоб не отселили на капремонт! А? А за нами бы не задержалось.

– Был вариант через переулок пустить, – подтвердил Иван. – Но – уже вызвана дополнительная техника, асфальтоукладчики, прочее... Как ни считай, если менять, непредвиденные расходы под двести рублей потянут. Так шо – не отвлекайте!

Сконфуженная домохозяйка вернулась к своим.

Потянулся шепоток: – Чего сказал-то? – Вроде как намекнул. Но боязно. Не возьмет. Больно грозен. Еще и посадит. – А другие? Парни, правда, квелье. Видно, из практикантов. Похоже, сами оглоблю этого до смерти боятся. Разве что с девкой попробовать? Та видать, что пошустрей. – Так наш-то выясняет вроде. – Э, милая, как дом бабой копррой шархнут, выяснять поздно будет. Да и чего он может против этих? Давай у кого что есть.

По рукам зашелестели бумажки.

Депутация из трех человек робко приблизилась к Вике.

– Девушка, ваш главный сказал, что можно было через переулок, если б не техника. Мы тут собрали на расходы. Только не подумайте чего – от всей души. Ты уж помоги, дочка.

Вика почувствовала, как чья-то неловкая рука втискивается в ее сумочку.

Она отошла к Листопаду, что-то зашептала. Тот несколько раз упрямо отмахивался. До взволнованных людей доносились отголоски энергичной перепалки.

– А сроки? Кто за них отвечать будет? – Зато сохраним здание! А если до зимы не расселим, отвечать придется! Как бы партбилет не положить. – Шо ты меня стращаешь?!

Наконец Листопад шагнул к притихшим в ожидании жильцам.

– Так шо, в самом деле не хотите, чтоб через вас магистраль новой жизни прошла?

– Не хотим! Как угодно!..уж как-нибудь без воды. Волга рядом – проживем! – слышалась разноголосица. – Предки жили.

– О, люди, люди! Гиены, крокодилы, – Листопад тяжело покачал головой. – Сколько десятилетий вас советская власть перемальвает, а вы всё те же, что при царском режиме. Я-то надеялся...Но раз так, живите дальше в своем клоповнике.

Он ткнул пальцем в сторону Вадички, глумливая физиономия которого грозила разоблачением:

– А вы, бездельник, поднимитесь в квартиру председателя домкома и позвоните в ДРСУ. Передайте от моего имени, что даю отбой. Магистраль поведем по варианту Б. И – догоняйте.

Листопад захлопнул папку и, ссутулившись, пошел через радостно загалдевшую толпу. За ним поспешала Виктория. На ходу ей пожимали руки, одна из старух благодарно перекрестила.

– Всё, что смогла. Всё, что смогла, – бормотала Вика, отчего-то и впрямь растроганная. Сторонкой, вдоль парапета, нырнул в переулок Антон.

На пересечении с улицей Вольного Новгорода Листопад обернулся. Лицо его лучилось весельем, – ему опять стало хорошо. От удачного розыгрыша, от вида ошарашенной девушки, от того, что встретил Антона и теперь уже не будет так одинок в опостылевшем городишке.

Хорошо было и Вике, с восторгом смотревшего на озорного волшебника, влекую добывшего деньги из асфальта.

Она вытащила деньги, пересчитала:

– Здесь сто семьдесят. Пятьдесят лишних. Возьмите.

– Оставь на конфеты, – Иван сжал ее ладошку с деньгами в кулачок, оглядел коротко остриженные пальчики с подушечками, смятыми, будто стоптанные тапочки.

– Фоно?

– Класс фортепяно, – подтвердила Вика. Она выжидательно стояла, не отнимая руки.

Так и стояли они, пока не подошел смурной Антон.

– И что хорошего мы сделали? – буркнул он. – Обчистили людей. Вы хоть видели, как старухи по трешке собирали? Как хочешь, Ваня, не дело это. Давай деньги, пойду верну.

Лицо Вики испуганно вытянулось. До сих пор содеянное представлялось ей разудалой хохмой. Иван нахмурился:

– Да? И как ты себе это представляешь?

Скажу, пошутили.

Листопад уничтожительно гоготнул:

– Во-первых, оставишь ее без денег. Во-вторых, как только ты им вернешь «бабки», они тебя всем скопом в ментовку доставят. А следом и нас.

– Так и так не сегодня – завтра сообщат.

– Ни-ког-да! – внушительно отчеканил Листопад. Он все еще пребывал во власти счастливого вдохновения. – Никогда они ничего не сообщат и не напишут. Потому что все это – гомо советикус. То есть человек дрожащий. Он же от власти любой подлянки ждет. Кстати, правильно делает. Дома-то и впрямь аварийные. Водопровод, поди, тоже от Казакова. Если шум поднять, где гарантия, что та же мыслишка – переселить – не придет в голову какому-нибудь официальному мудриле? А начнут переселять, непременно надуют. Подсунут такую же гниль, только на окраине. Так шо, дети мои, – он покровительственно приобнял обоих, – они еще свечку поставят, что легко отделались. Если вообще догадаются. Среди нас-то нет дураков им это объяснять.

– Один, кажется, есть, – протянул Антон, наполняясь недобрым предчувствием.

Со стороны набережной бежал раскрасневшийся Вадичка, возбужденно размахивая руками.

– Я-таки их раззадорил! – ещё на бегу азартно выкрикнул он. – Еле ноги унес!

– Говори, – потребовал Антон.

– Малек отчебучил, – гордо глядя на Вику, сообщил Вадичка. – Пришел к преу. Он мне телефон. Куда, мол, звонить будете? В рай– или в облисполком? Ах ты думаю, покажу я тебе и рай, и ад, – Вадичка глотнул воздуха, предвкушая эффект. – Ноль два набрал. «Милиция, спрашиваю?» А сам на этого дедка гляжу. Ох, гляжу! «Мы тут лохов, говорю, развели. Сейчас на ихние деньги гульнем! Прошу зачесь как анонимную явку с повинной». И – кидаю трубку. У дедка глаза по пятаку. Верещать чего-то начал, соседей звать. Я ему пламенный привет и – припустил. Как видите, тоже могём блоху подковать!

Он победно подмигнул. Под ошарашенными взглядами обиженно засопел.

– А ништяк! «Наколоть» лоха – полдела. А ты попробуй вот так, чтоб огонь на себя! Вот где главный кайф. Запомнят они Вадичку!

– Удавлю! – Иван схватил Непомнящего за бицепс, подтащил к себе, заставив приподняться на носки. В ожидании удара Вадичка зажмурился. От страха и унижения в уголках полных его губ непрерывно возникали и лопались мелкие пузырьки. Смотреть на это было противно. К тому же рядом сжалась перепуганная Вика. Бить расхотелось.

– Как будто погоня! – выкрикнул Антон.

В самом деле в конце переулка, со стороны Волги, появились двое мужчин. Оборотившись к другим, пока невидимым, они показывали на беглецов.

– В общем так, – сквозь зубы процедил Иван. – Из-за тебя, пакостника, и впрямь могут розыск объявить. Потому расходимся в разные стороны. Всем надо на время затихнуть, пока пена уляжется. Если кого найдут, остальных он не знает. И больше, шоб ты мне не попадался!

Он с ненавистью оттолкнул незадачливого хохмача, через силу подмигнул посеревшей девушке:

– Не робей, Златовласка. Главное в этой жизни – результат. На вокзал успеешь?

– Д-да. Как будто да, – пробормотала Вика.

– Тогда удачи!

Подхватив под руку Антона, Иван шагнул в ближайший проходной двор.

– А жаль, – пробормотал он. – Вроде, хорошая девка.

– Хорошая, – подтвердил Антон. – По молодой дури говоруну этому в лапы попала. Вот и мыкается.

* * *

Вика и Вадичка пересекли несколько улиц. Убедившись, что опасность больше не угрожает, она остановилась на обочине, выискивая взглядом такси.

Остановился и Вадичка. Он всё не мог успокоиться.

– За пакостника он мне отдельно ответит! Это я при тебе сдержался. А при случае посчитаюсь. Ишь каков! Любит, как погляжу, молоденьким девочкам пыль в глаза пустить. Ему можно хохмить, а другим, видишь ли, нет.

Он склонился на реакцию Вики. Слишком заметно было впечатление, которое произвел на нее Листопад. И это Вадичку сильно беспокоило.

Со стороны Тверского проспекта появилось такси. Заметив поднятую руку, таксист принял к обочине.

Вадичка разудало ощерился:

– Ну что, вечером на хазе?

– Зачем?

– Так, как обычно. Покувыркаемся. Совершим обоюдоострый коитус!

– Не совершим! – Вика отрицательно мотнула головой, уселась на заднее сидение. –

Занята я.

– Надолго?

– Навсегда, – услышал Вадичка то, чего боялся.

Машина тронулась.

Ни для Вадички, ни для Вики разрыв не стал полной неожиданностью. Любви к нему она не испытывала никогда, а затем устала и от однообразных приколов, которыми поначалу он ее увлек.

А встречаться продолжала и не изменяла разве что из благодарности за первый сексуальный опыт да из своеобразной женской порядочности – поменять одного нелюбимого на другого мешала брезгливость.

Но об этом Вика не думала. Размылся в памяти Вадичка, как акварельный набросок, облитый водой. Вроде что-то было. Но через расплывшееся пятно и не разберешь. По дороге на вокзал она откинулась на сиденьи и чуть заметно, уголками губ улыбалась, вспоминая косящий взгляд Ивана Листопада. Не нахальный – привыкшего к безнаказанности шкодника, а требовательно-наглый взгляд сильного, не знающего удержу в желаниях мужчины.

Вадичка же глядел вслед уходящей в навсегда любовнице. Знакомство с нею он начал с уверения, что любовь не имеет никакого полового значения. Но за прошедшее время, не признаваясь, привязался к Вике настолько, насколько вообще был способен на привязанность к другому человеку. Он едва сдерживал желание заскулить.

Впрочем и его мысли очень скоро переключились на другое. Шкода и впрямь получилась крутая. Может, и с последствиями. Так что совет на время пересидеть выглядел не таким уж bestолковым. Вадичка задумался.

* * *

Иван стремительно пересек несколько улиц, прежде чем запыхавшийся Антон нагнал его: – Успокойся, Ваня. Просто он по жизни такой отвязный. Делает, не приходя в сознание, потом думает. Одно слово – Вадичка!

– Поп Гапон он! – непримиримо объявил Листопад. Ярость всё еще бушевала в нем. – Легко выглядеть с фасаду Вадичкой, если с жопы ты – Кириллович. Ладно сам шкодит! Так он других втягивает. А у этих других папеньки обкомовского нет. Ты хоть понимаешь, шо он сделал? Теперь наверняка искать начнут. А чего меня искать? Обком, вокзал, колокольня на Тверской. Я по росту, считай, четвертый. И в ментуру попадать никак нельзя. Назад ходу не будет, – Иван вспомнил про Звездина. Призадумался. – Надо срочно нычку найти. Хотя бы на месячишко, пока всё не утихнет.

Сзади, нарастая, к ним приближалась разудалая многоголосая песня: «Здравствуй, милая картошка-тошка, тошка, тошка!»

Обдав гарью, мимо проскочил автобус, заполненный отъезжающими в колхоз студентами.

Глаз Ивана хитро закосил.

– Антошка, Антошка, пойдём копать карто-ошку! – привирая мотив, пробасил он.

Антон понимающе кивнул.

В закромах Родины

Проректор университета по хозяйственной части Давид Менделевич Файн поднял глаза, и взгляд его наполнился изумлением. В дверях кабинета, одетые в сапоги и ватники, с рюкзаками в руках, стояли второкурсник юридического факультета Антон Негрустуев и – откомандированный из сельхозинститута аспирант Иван Листопад.

– Отправьте нас в колхоз, – коротко потребовал Негрустуев.

Давид Менделевич, хоть и еврей, но мыслью неспешный, внимательно всмотрелся, добросовестно пытаясь понять подоплеку происходящего.

– И чего надо-то? – переспросил он.

– Родине помочь хотим. Туго у Родины в этом году с урожаем, – пробасил Листопад.

– А в прошлом что, легче было? – Файн озадаченно поскреб свою перламутровую лысину мыслителя. – И давно вас это... озарило?

– С утра, – лучезарно сообщил Антон. – Проснулся и – сразу вопрос: почему здесь? Почему не в поле? А тут и Иван подошел.

– То есть обоих сразу осенило?

– Совсем совесть проклятая заела, – доверительно пожаловался Листопад. – Я уж ей и так, и эдак: мол, диссер надо дописывать. А она: на пашне готовься.

– Вообще-то аспирантов мы в колхозы, если только руководителями посылаем, – напомнил Файн.

– Сам хочу. Своими руками, – Листопад протянул к проректору большие ладони, но тут же и убрал, – руки предательски потряхивались. – Деды под танки бросались, отцы – целину поднимали. Что ж мы-то, вовсе потерянное поколение?

Растроганный Давид Менделевич шмыгнул носом.

– Да, дела. Не слышал бы, не поверил. Привыкли, понимаешь: цинизм, цинизм. А на поверку-то – наша, большевистская закваска. Силен все-таки в советском человеке дух коллективизма, – он склонился над селектором. – Проверьте срочно, по Листопаду и Негрустуеву никаких сигналов не поступало? Может, из общежития что?...Ничего пока?...Да нет, так просто. Но если что, то – немедленно.

Файн отключил селектор.

– Не скрою, мне, старому партизану, приятен ваш порыв, – в уголке его глаза и впрямь блеснула слезинка. – Но как раз вчера последнюю партию отправили.

– Сами доберемся, – заверил Антон.

– Так денег...

– За свой счет, – отрезал Листопад. – Не будет покоя, пока первый мешок картошки вот этими руками не закину в закрома Родины.

И тем Файна перепугал окончательно.

– О! Раз в закрома, – он заново потянулся к селектору. – Еще раз тщательно посмотрите, может, из милиции что? ...Да нет, тут что-нибудь с особой подлянкой должно быть. И пригласите ко мне...Да, да. Пусть заходит.

Файн задумчиво отпустил кнопку:

– Черт его знает, что за день выдался! Сегодня еще один десятитысячник объявился. На днях из МГУ перевелся. Вроде «блатной» и – нате вам – тоже по собственному желанию рвется. Может, радиация солнечная усилилась?... Заходи, заходи. Знакомься с попутчиками.

Несдержанный Антон хихикнул: в дверях стоял Вадичка Непомнящий.

– А почему належке? – заметил проректор. В самом деле из теплых вещей при Вадичке оказалась лишь бутылка водки, оттопыривавшая карман пиджака.

– Да ничего, я изнутри горячий, – успокоил его Непомнящий. Не говорить же, что телогреек в доме секретаря обкома отродясь не водилось, а времени приискать не оставалось.

– Что ж. Раз уж сами вызвались, – проректор оглядел всю троицу. – Теперь вы не просто каждый по себе, а практически комсомольская ячейка. Как сказали бы у нас в партизанском отряде, передвижная диверсионная группа, – проректор еще раз пригляделся и опасно сплюнул через левое плечо. – Ну, и на вашу удачу, заявка утром поступила во-от отсюда, – он подошел к карте и толстым пальцем ткнул в угол ее, помеченный сплошным лесным массивом. – Из колхоза... – на всякий случай еще раз сверился с текстом. – Аж имени Товарища Лопе де Вега.

Мотнул головой, не отойдя еще, видно, от утреннего изумления:

– Оказывается, когда переименовывали, с Мате Залка перепутали. Да так и оставили. Правда, просили двадцать человек. Ну да с вашим-то энтузиазмом... Старший, само собой, – аспирант.

– Доверье оправдаем, – заверил Листопад и, не давая проректору передумать, первым выдавился из кабинета.

В полном молчании все трое вышли в коридор.

– Ничего, мужики, – покровительственно объявил Вадичка. – Всё не так уж сумрачно вблизи. Я через свои каналы прокачал. Кипеш пошел, но уголовное дело еще не открыли. Так что месячишко в колхозе отсидимся. А там батяня из отпуска вернется и развернет куда следует. Главное, меня держитесь. С Вадичкой не пропадете. Вадичка везде лисом просклизнет. Вы только меня не бейте, – он опасно отодвинулся: уж больно сладким сделался взгляд Листопада.

– Ни в коем случае. Зачем же тебя бить? Ты нам целехонький нужен, – Иван заурчал. – Ты у меня теперь, падла, дневать и ночевать на пашне будешь. Три нормы в день! За всю ячейку.

– Подумаешь, пашня. Гори она огнем. Не о том думаете, парни, – Вадичка интимно сбавил голос. – В глуши-то насчет выпивки стремно. Так я дрожжец прихватил. И сахарку. Такого первача затворим – месяц как один день пролетит! В сплошной нирване.

– Все-таки ты редкая паскуда, – в голосе Листопада послышалось что-то похожее на уважение.

* * *

Ясным сентябрьским вечером седьмого числа в селе Удвурино стояла непривычная тишь. Журчала себе речушка Угрюминка, обычно не слышная из-за стрекота надломанных тракторных моторов.

Угрюминка рассекала село надвое. По ней же проходил излом местности. Справа, сколько хватало глаз, тянулась уставленная избами ровнехонькая, заосоченная долина, полускрытая парящим вечерним туманом. Слева возвышался могучий, обрывающийся в реку холм. И от того само село казалось как бы скособоченным, будто одну из двух щек разнесло флюсом.

– Ох, не к добру эта тишина, – на самом верху холма, на крыльце правления колхоза имени Товарища Лопе де Вега, стояли двое.

– Не к добру, – повторил тридцатилетний мужчина с изможденным отёчным лицом. Из нагрудного кармашка полосатого костюма торчал толстый штырь самописки.

Он озлобленно зыркнул через плечо на своего спутника: пожилого, бойкого мужичка с побрякивающими надраенными медальками на застиранном пиджаке. С благоговением вслушивался тот в проистекавшие отовсюду покой и умиротворение. Вот этот-то тихий покой особенно выводил из себя председателя колхоза товарища Фомичева.

– Чего отмалчиваешься, дядя Митяй? Может, научишь, чего мне в райком докладывать?

– А чего тут хитрого? Так и объясни: мол, День Никиты.

– Они мне, пожалуй, объяснят, – председатель с тоской обернулся на грозный транспарант над дверью правления – «Коммунизм неизбежен». – По всей стране уборочная, а у нас, видишь ли, День Никиты.

– Святой праздник! – лучезарно закивал дядя Митяй. – Еще деды наши...

– Да брось завирать! – огрызнулся председатель. – Деды как раз сначала урожай собирали. Вёдро-то какое стоит!

– Ну, два дня ничего.

– Как то есть два дня? Какие еще такие два дня? Об одном сегодняшнем был уговор. Об одном!

– А опохмелиться людям?! О людях-то забыл, – ласково укорил его дядя Митяй. – Русский мужик, он без опохмелки душу в кучу собрать не может. Зато потом, эх! Раззудись, рука, размахнись, плечо. Всем миром навалимся.

– Уж вы, пожалуй, навалитесь. Одна надежда – студентов в районе запросил. Дадут человек двадцать – может, и вытянем картошку.

Тут он прервался, потому что из низины на противоположном берегу донеслось энергичное потрескивание. Вслед за тем из-за крайнего дома вылетел колесный трактор «Беларусь» и со скоростью гоночного «Феррари» устремился к раздолбанному деревянному мостику. Сзади гроыхал металлоломом подсакивающий на ухабах прицеп.

– Опять перевернется, стервец! – председатель скрежетнул зубами. – А если и не перевернется, так рессору разнесет!

В отличие от нервного председателя дядя Митяй наблюдал за происходящим с симпатией и даже с некоторой ностальгией.

– Да черт с ней, с рессорой! Зато удалец! – азартно выкрикнул он. – Вот так и я Кенигсберг брал. Давай, Михрютка! Штурмуй, Михрютка! Весь в меня. Все-таки мы, удвуринцы, – это особая порода!

– Да уж, – председатель облегченно вытер пот: вопреки всем законам физики, трактор не завалился в реку, не раскатал ветхий мосток по бревнышку, а, кокетливо повиляв прицепом, победоносно рванул в гору.

Возле правления трактор резко тормознул, и из кабины выскочил худенький паренек, промасленный и развеселый, будто черт, отработавший смену на сковородке.

– С праздничком, Петр Матвейч! И тебя, дядя Митяй! А я к вам с гостинчиком. Студентов привез!

– Как это... Где?! – поперхнулся председатель.

– Так вот, – Михрютка обозначил радушный жест в сторону прицепа.

Фомичев, а за ним и дядя Митяй вскарабкались на колесо и заглянули в кузов. Картина им открылась в высшей степени удивительная. Гоголевская, можно сказать, картина.

Прямо на груде металла раскинулись трое. Один из них мирно посапывал, положив рюкзак на грудь храпящего на спине здорового малого, покрывшего собою едва не половину прицепа. Третий, патлатый и красномордый, свернувшись калачиком внутри запасного колеса, блаженно причмокивал во сне. В уголке вывернутых, негритянских губ его трогательно расцвел сочный пузырь.

– Каковы орлы?! – Михрютка, забравшись с другого борта, умиленно разглядывал спящих. – Двадцать километров. Это с моей-то скоростью да по нашим дорогам – и хоть бы кто проснулся!

– Откуда такие?

– Со станции, вестимо. А уж буфетчица как обрадовалась. Они ей там всё переблевали, – с гордостью первооткрывателя тараторил Михрютка. – Три дня, говорят, добирались. И мне пытались налить. Но вы ж меня знаете...

– Знаю, – глядя в мутные глаза, с ненавистью заверил председатель. – Иди отсыпайся... И этих размести.

– Куда их?

– Где не пьют. Хотя где сейчас?... Чтоб завтра с утра в конторе были. Да, пособил район. Неча сказать – уважили, пропади всё! Придется опять баб поднимать на ручную копку. Эх, бабья доля! – Фомичев погрозил кулаком транспаранту «Коммунизм неизбежен», но тут же, спохватившись, поднял его повыше, к небу. Бога председатель колхоза опасался. Но райкома боялся все-таки больше.

Матюгнувшись, он побрел прочь – к окраине села, откуда доносилось мерное постукивание топоров. Там, на коровнике, под выцветшим плакатом «Нечерноземная ударная стройка комсомола» трудилась бригада армян-шабашников.

– Чо-й-то он, дядя Митяй? – удивился Михрютка. – Вроде праздник.

– Известно чо. Пить ему нельзя. Язва обострилась, – дядя Митяй заново полез в кузов. С удовольствием пригляделся. – Да, гарны хлопцы. Один к одному. Сопят как дети малые. Ты вот чего, сгружай-ка их прямо ко мне. Пока то-се. Проспятся. А с утрава люд на опохмел подтянется, там и обзнакомимся. И сам давай это... заруливай.

– Так мне вроде как к молодой моей надо бы, – неуверенно, больше для очистки совести напомнил Михрютка. – И то пеняет: всего неделю как свадьбу справили...

– Молодуха тебе теперь по гроб жизни глаза мозолить станет, а праздник великий, он раз в году. Святое! Завтра по родичам пойдем с обходом. Никого чтоб не обидеть.

Глаза Михрютки предвкушающе заблестели. Всё огромное село, включая председателя, так или иначе состояло в родстве. И патриархом ветвистой удвуринской диаспоры, без слова которого не решался ни один вопрос, был как раз развеселый покоритель Кенигсберга дядя Митяй.

* * *

Антон проснулся на печи среди разбросанных прелых телогреек – в темноте и в полном отупении. Снизу тянуло перегаром, разносился многоголосый храп. Антона мутило, – столько он еще никогда не пил. Последнее, что помнил внятно, – Вадичкина бутылка водки, распитая на Калининском вокзале перед посадкой в поезд. Далее пространство и время слиплись в единый ком. Осталось лишь ощущение бесконечных возлияний на фоне нескончаемой езды.

Нестерпимо хотелось в туалет. Он спустился на пол, добрался по стене до двери и выбрался в студёный коридор. Идти наощупь вглубь незнакомого дома побоялся. Потому пристроился к первому же подвернувшемуся бочонку с отошедшим ободом, в который и опорожнился. Через минуту вновь забрался на печь и забылся облегченным сном.

* * *

В следующий раз проснулся Антон при свете дня.

Беспрерывно хлопала дверь. Входили люди. Здоровались с каким-то дядей Митяем.

Из глубины доносился напористый, густо замешанный на мате, южный говор Вани Листопада. Антон свесился вниз. В центре большой комнаты стоял стол, за которым «банковал» Иван. Потрясая лапой с зажатым стаканом, он энергично втолковывал рассевшимся вокруг мужикам, как следует преобразовать имеющийся в колхозе технический парк. Слушали Ивана уважительно. Причем уважение он снискал не столько за технические навыки, сколько за мягкий ненавязчивый матерок. Мат вкраплялся в речь его столь же естественно, как укропчик в дымящуюся рассыпчатую картошку. На лицах слушателей – а среди них были ценители – читалось блаженство.

Возле окна стояла бочка, наполненная неведомой жидкостью. К бочке то и дело подходили и зачерпывали из нее подвешенным сбоку ковшиком, каким в бане поддают пару.

Черпали с краешку, потому что из центра бочонка торчала погруженная голова и разносилось аппетитное чавканье. Чавканье прервалось, на поверхность выглянуло мокрое и счастливое хрюсло Вадички Непомнящего.

– Славненько отдыхаем! – произнесло хрюсло и вновь погрузилось в манящую жидкость.

Тот, кого называли дядей Митяем, первым заметил Антона:

– Очнулся, страдалец! Эк, погляжу, как тебе схудилось-то. Головка, поди, ого-го! – дядя Митяй сочувственно засмеялся. – Ну ничо, поправим. Держи похмельной браги.

Он подошел к бочке, зачерпнул из нее и протянул Антону ковшик, наполненный мутной, подрагивающей, будто простокваша, жидкостью.

Жидкость эту Антон не узнал. Зато бочонок, откуда ее зачерпнули, по ободу распознал доподлинно.

Что-то ухнуло в желудке, стремительно рвануло к горлу, и, прежде чем успел перекрыть рот рукой, могучий фонтан плеснул прямо в участливое лицо.

Голова Антона закружилась, и он бессильно откинулся на печи.

Сквозь туман доносилась до него перепалка между дядей Митяем и каким-то Фомичевым, умолявшим отпустить людей в поле.

– Трактористов отдай!

– Не отдам. Еще денек-другой отпразднуем, а тогда уж разом, кагалом навалимся.

– Хоть студентов верни, – простонал Фомичев. – Споим, отвечать перед районом придется!

– Все люди как люди, а студенты – нет? День Никиты, он для всех светлый праздник. Сказано – вместе выйдем. Лучше о себе подумай. Ведь ты, Петруха, неплохим баянистом начал. А теперь во что скатился? Ни тебе здрасте, ни выпить. Все-таки власть, она портит. Иди с глаз моих!

Бессильно матерясь, Фомичев выбежал из избы.

* * *

Но вечером случилось нехорошее. Непомнящий и Листопад отправились в сельский клуб на танцы. Разохотившийся Вадичка от полноты чувств ущипнул за задницу полную барышню. Барышня оказалась невестой одного из трех братьев Плеве – неоднократно судимых хулиганов, наводивших страх на округу. Братаны тотчас примчались в клуб и Вадичке, само собой, незамедлительно «выписали» по физиономии. Листопад попытался их успокоить – «наварили» и ему. Драка выдалась нешуточной. Иван, хоть и был могуч, но оказался один против трех верзил, – заваривший бучу Вадичка быстренько из клуба свинтил. Братья принялись крепко теснить Ивана, так что он едва успевал отмахиваться от летящих ото всюду ударов. Силы стали покидать его. И тогда Иван обхватил за шею старшего из братьев, закрылся им, как щитом, вцепился зубами ему в нос и, подобно бульдогу, пережевывал до тех пор, пока попавшийся в лапы, а след и остальные братья не запросили пощады. Впрочем к тому времени нос уже безвольно покачивался на последних хрящах. Так что пострадавшего пришлось срочно везти в районную больницу.

* * *

На следующее утро председатель колхоза товарищ Фомичев самолично загрузил изможденных студентов в брезентовый свой УАЗик и, нещадно матерясь, повез в дальнее отделение – от греха.

– Оно хоть и никудышное, но картоха уродилась. Да и от наших алкашей подальше. А то ведь сопьетесь или братовья Плеве в отместку ребра переломают. Они у нас такие, – задорные, – бормотал Фомичев, в то время как обессилевшие студенты вповалку дремали на заднем сидении. – Ничо. Запрячу и никому не скажу, куда. Может, и пронесет.

УАЗик основательно трягнуло на ухабе, и над председателем нависла всклокоченная голова Непомнящего. Под глазом набух матерый фингалище, нижняя губа отвисала, словно надорванная башмачная подошва.

– Ты кто? – спросила голова, густо срыгнув.

– Иван Пихто.

Вдали, за березовой рощицей, мелькнули крыши, и тут товарищ Фомичев вроде бы беспричинно впал в беспокойство. Бормотание его сделалось страстным:

– Господи, пронеси! Не говорю больше за погоду, которой у тебя хрен допросишься. Но хоть здесь-то, по мелочи, не откажи. Дай только высадить и – сразу назад... О, засада! – Фомичев в сердцах врезал по тормозам, отчего пассажиры дружно боднули спинки передних сидений. – Ну и сука ты, Господи!

От замшелого свинарника наперерез УАЗу, отсекая его от деревни Завалиха, сноровисто шагала женщина в керзовых сапогах, крупная и решительная, как танкетка.

– Ба, Клава! – искренне обрадовался Фомичев.

– Здоров будь, Петюня, явился-таки, – женщина вскочила на подножку и всунула голову в салон, на всякий случай покрепче ухватившись за руль.

– А это еще кто?

– Студенты. В твою, значит, бригаду. Так что давай их тут, задействуй на полную.

– Эти? – Клава с сомнением пригляделась.

– Ты, Клава, не сомневайся, – захопотап председатель. – Это такие ударники! В Центральном отделении так взялись, что – ух!

– Врет он всё, – не размыкая глаз, сподличал Непомнящий. – Немощные мы. А у меня так и вовсе инфлюэнция. Опоили они нас ханкой в этот их день Никиты, будь он неладен...

Словно в подтверждение, Вадичка густо, душисто рыгнул.

– Эва! В Центральном отделении уже на брагу перешли, – безошибочно определила бригадирша. – Ничо! Вы у меня на пашне вмиг оздоровеете.

Тяжелым, как гусеничный трактор, взглядом она проехала по председателю.

– Сам-то надолго? Иль как в прошлый случАй?

– Да я, Клав, всё без продыху по бригадам, то туда, то сюда. Никак без хозяйского глаза. А то вот еще дядя Митяй механизаторов на опохмел подбил. Опять же бурьян, сволочь, на огороде прет, – невнятно лопотал Фомичев, отесненный могучим бюстом от руля.

– Короче, Фомичев! – перебила Клава. – Я тебя как член правления спрашиваю: чего насчет меня думаешь? Забыл, что обещал, когда впервой залез? Третью неделю опечатанная хожу.

– Так я, Клав, разве чего? Я к тебе всегда с уважением. Только вот это... ботва на огороде прет. Потом в райком требуют с отчетом. А так я всегда.

– Когда?! – Клава слегка отодвинулась, и это придало председателю вдохновения.

– Да чо тянуть? Прямо сейчас! – уверил он. – Вот только студентов доставлю...

– К бабе Груне давай. Она просила, – пристройку ей разобрать надо. Ну, и?..

– Просто как из пушки. Ты это... стол пока накрой.

– Так чего, я пошла, что ль? – недоверчиво уточнила Клава.

– Так иди! Бросай всё и иди.

– Так пошла, – не до конца еще веря, Клава вывалилась из машины.

– Так иди, – Фомичев врубил первую скорость и, не считаясь с ухабами, устремился вперед. – Иди и иди.

Оглянулся через плечо:

– Дура какая. Опять придется через Дёрново крутить.

– А ты, погляжу, шкода, – хихикнул Непомнящий.

– Сам бы с моё бабами покомандовал! – огрызнулся пред. – О, похотливые какие! Далёко, далёко нам еще до коммунизма. Не, надо отдавать эту Завалиху к беней фене. Сундарёв из «Красного богатыря» давно просит. В обмен комбайн и две молотилки дает. За такую-то суку и комбайн! Чего тут думать? А еще б хорошо Форсино куда подальше присовокупить, – мечтательно припомнил он. Видимо, очнувшись, он резко тормознул около потрепанного домишки. Отчего спящих Листопада с Антоном смачно «бортануло» о переднее сидение. Не просыпаясь, оба дружно сползли на пол.

– Выгружайтесь, козлы! – принялся трясти их Непомнящий. – На стройку коммунизма приехали.

В самом деле от палисадничка к УАЗику поспешала старушка, чистенькая и иссохшая, как осенний лопушок.

– Петр Матвейч, неужто?..

– Твои, твои, баба Грунь. О цене с Клавой сговоришься.

– Да чего там? Главное, чтоб помогли, – старушка, вне себя от возбуждения, семенила вокруг УАЗа, пытаясь помочь пассажирам выбраться и оттого мешаясь. – Не пьющие, часом?

Из УАЗа как раз выбрались Антон с Листопадом. Поддерживая друг друга за плечи, они покачивались на ветру, будто Васька Буслай с Гаврилой Алексичем после Ледового побоища.

– Да не, это они от переутомления. Неделю по ночам копали, сволочи.

– Пред опасно зыркнул через плечо, и что-то ему не понравилось.

– Словом, чтоб по уму!

Обрывок фразы проглотил рев мотора. Из-за угла показалась бригадирша.

– Уехал! – сообразила она. – А я уж петуха заради зарезала.

– Не уехал! А сбежал, – уточнил Вадичка. – Гарун бежал быстрее лани.

Клава разочарованно оглядела квёлое пополнение.

– В общем так, студенты! – отчеканила она. – Чтоб завтра к восьми в контору. И глядите мне! Явитесь с похмелья, я вас носом в борозду воткну и пинками под зад погоню. О, мужики, гадское племя!

Безысходно махнув рукой, бригадирша пошла прочь.

– Да, крутой бабец. Здесь Вадичке бражки не нальют, – пробормотал Непомнящий вслед удаляющейся спине, широкой и могучей, будто китайская стена.

* * *

Домик оказался небогатый, но чистенький и убранный, как сама хозяйка. Пол застлан стиранными, душистыми половиками, на полке красовались сияющие чугушки, в углу, будто ружья в «козлах», выстроились ухваты, над которыми висела старая семиструнная гитара. На постеленной поверх стола старенькой клеенке рядом со стаканом с подвядшими ромашками стояла в рамке выгоревшая фотография, на которой сорокалетняя баба Груня была изображена в обнимку с мрачным, пухлолицым мужчиной лет на пятнадцать моложе.

– Это мой Сам. В день свадьбы, – сообщила баба Груня. – Я как раз тогда завдовела, да и он бобылил с двумя малыши. Вот и сошлись. Веселый был, гитарил. Два года как помер.

Зыркающий в поисках спиртного Вадичка заметил в «красном» углу под облупленными ходиками иконку. Грозно нахмурился.

– Тээк. Это как понимать? Верующая, что ли?

– Да не! Что вы? Что вы? – открестилась старушка, отчего-то испугавшаяся. – Это так – фурнитура. У меня Сам партейцем был. Не позволял. Да я тоже атеистка. В чудеса не верю.

Сколь раз у Богоматери просила то того, то другого. И хоть бы раз помогла. Другим вон помогает. А мне шиш. Не, нету Бога!

Во избежание дальнейших расспросов она задернула икону шторкой.

– Пред говорил, помощь нужна, – припомнил Непомнящий, тонко подступаясь к разговору о выпивке.

– Так это не к спеху, – баба Груня засмушалась. – Пристройку бы разобрать на дрова. Раньше-то коровник был. Скотину я, как Сам помер, продала. А к зиме бы в тепле. Я б отблагодарила.

– Не надо нам ничего. Так поможем, – буркнул прикорнувший на приступочке Антон.

– Да ты! Лишенец, – Непомнящий возмущенно задохнулся. – Тут работы дней на десять.

– Вот и начнем не откладывая, – Листопад, до того отмалчивавшийся, скинул рюкзачок у порога, поднялся. – Показывай, баба Грунь, где топоры, пилы. А то еще чуток такого отдыха, и – черти придут. Потом святым кадилом не отмашешься.

Вадичка вздохнул безнадежно:

– Я догоню. Только рукавицы достану.

Никаких рукавиц Вадичка не имел отродясь. Но на трюмо подметил флакончик одеколора «Шипр».

Ломать, как известно, не строить. Коровник разваливали азартно, балансируя на стропилах. Так что часа через три остов пристройки заметно «оскудел». Зато внизу, на лужайке, рос холм из досок и бревен.

Из соседних домов выходили люди, завистливо глядели на ударную работу. Повезло старой дуре.

Сама баба Груня, счастливая, металась меж работниками и охала в показном смущении.

– Да хватит уж, мальчики. Что ж вы так жарко взялись? Упаритесь. Ведь полкоровника, почитай, зараз разобрали. Ужинать пора. Я уж картоху поставила, лучку накрошила, грибочков солененьких. Красного вина давно припасла.

При магическом слове «вино» шум стих – разом.

– Не надо бы вина. Ох, не надо бы! – свесился сверху Антон.

– Лучше б не надо, – засомневался и Листопад.

– Да что ж вы, не мужики рази? – подбадривающе, отчасти для соседей, вскрикнула сделавшаяся развеселой баба Груня. – Али убудет вас с бутылки – другой?

О, глупая баба Груня! Того не понимает, что русский человек порывом силен. Собьешь порыв, и – такая благодать случится, что заскулишь от ужаса.

* * *

Часа через два, отбросив в сторону пятаю по счету опорожненную «бомбу», грузно поднялся Листопад.

– Кончай перекур. За работу! – объявил он, ухватившись за прислоненный к стене топор.

Вздыхавшая в кухонке баба Груня встрепенулась, метнулась к порогу, пытаясь перегородить собой выход:

– Не пуцу! Христом Богом, прошу: охолони! Ну не надо же!

– Надо, – Листопад плавным, сыновним движением отстранил трепыхающуюся старушку. – Я, баба Грунь, такой человек, шо пообещал, не забываю, – делу время!

Он вышел.

Всплеснув ручонками, выскочила следом баба Груня.

Стук топора и крик ужаса слились воедино.

Вадичка выглянул в окошко.

– Крыльцо рубит, – равнодушно сообщил он, отчаянно икая. – Классно подсекает. Сначала перила рухнут, потом – козырек. Одно слово – русак. Широкая натура. И я русак! Цыган желаю! Чтоб кровь заиграла!

Вадичка вдруг шумно зарыдал, сморкаясь исподтишка в скатерть.

Ключевое слово «заиграла» заставило Антона встрепенуться. «Сегодня же «Динамо» Киев на Кубок чемпионов играет», – вспышкой пронеслось в его мозгу.

Натянув на ходу телогрейку, он выскочил из избы. На порубленных ступенях сидел, облокотившись подбородком на обух топора, Листопад. Примостившаяся рядом баба Груня сострадательно оглаживала его по буйной головушке.

– Э-эх, Русь! – Антон скатился с крыльца и, утопая в грязи, побежал вдоль отходящей ко сну деревни. Увы, во всех домах, над которыми покачивались антенны, окна оказались погашены, – деревня рано отходила ко сну.

Минут через двадцать Антона начало знобить. Буйное оживление, вызванное «Солнцем даром», спало, и теперь ему хотелось только одного – побыстрее вернуться в дом бабы Груни и забраться на теплую, пахнущую прелыми телогрейками печь. Он посмотрел налево, направо, – кругом темнели мокрые и одинаково угрюмые дома. Пытаясь сориентироваться, покрутился на месте. Побрел наудачу. То и дело оступался, падал в какую-то жижу, проваливался в канавы, выбирался и – снова шел.

– Баба Груня! – подымаясь из очередной лужи, бормотал Антон. – Бабочка Грунечка, отзовись!

Никто не отзывался. Один, совсем один остался разнесчастный Антоша в сыром, мерзопакостном, неприветливом мире.

В низине, за домами, мелькнул свет. Обрадованный Антон побежал туда. Добежал, перелез через плетень, свалился во что-то теплое и приятное. Подниматься больше не стал и, должно быть, забылся. Потому что проснулся он от озноба. Рядом кто-то почавкивал. Обильно попахивало говнецом.

– Вадя, ну ты ваще! – пробормотал Антон. – И убери рыло.

Он с силой оттолкнул воняющую Вадичкину физиономию.

Вадя хрюкнул. Не открывая глаз, Антон принялся его ощупывать, – мясистый Вадичкин шнобель сплющился так, что аж ноздри торчали наружу.

– Это кто ж тебя? – Антон медленно приоткрыл верхний, разведывательный глаз. В упор, глаза в глаза, за ним следило свиное рыло. Не Вадичкино, между прочим, рыло.

Антона подбросило вверх, будто на катапульте. Рядом вскочила и завизжала огромная свиноматка.

Тряхнув головой, Антон огляделся: он стоял посреди загона в нарождающемся рассвете меж десятков гуляющих свиней и поросят. А у ограды заходились от хохота какие-то девахи, видно, свинарки.

– Дуй к нам, пока не сожрали! – расслышал он и – последовал совету. Едва перевалился он через плетень, как несколько девичьих рук обхватили его и принялись оглаживать.

– Цел ли? Господи, девки, да он же склизкий весь! Простудится! И пиписку застудит! Иль отгрызли? Надо б проверить да пожалеть.

Антон почувствовал, как кто-то принялся шуровать у него в штанах.

– Ой! Кака маленька да холодненька! – сообщил жаркий голос. – Сейчас погрею.

– Мне к бабе Груне надо! Там согреюсь, – под общий смех взмолился жалкий Антон. Его трясло.

Одна из молоденьких свинок, хохочущая более и задорнее остальных, показалась смутно знакомой.

Но тут он заново впал в беспамятство.

Должно быть, кто-то сердобольный пожалел и отвел. Потому что очнулся Антон на знакомом порубленном крыльце.

Появился он, как оказалось, вовремя. В доме не спали. У стены затаилась очумелая баба Груня, над которой навис совершенно голый дебелый Вадичка с гитарой на безволосой груди.

– Веселись старушка! – требовал он, отбивая о пол босой пяткой.

– Русаки гуляют. Пляши камаринского!

Баба Груня зыркнула на дверь и, ойкнув, сползла на пол. Клацнул челюстью и Вадичка. На пороге стояло нечто унылое, истекающее навозом.

Листопада не было вовсе.

Не вернулся он и в семь утра, когда Антон проснулся на полюбившейся печке. Проснулся от могучего Вадичкиного храпа и от бормотания. Глянул вниз.

Атеистка баба Груня, стоя на коленях перед богоматерью, клала истовые поклоны и умоляла сотворить одно-единственное чудо, – изгнать вселившихся в избу бесов.

* * *

К половине восьмого объявился последний бес. Был он ухожен и благодушен, оглядел нахохлившихся потрепанных приятелей, брезгливо принял. Потрепал по плечу угрюмую старушку.

– Вот шо, баба Груня, готовь баньку. Отмоемся и – сегодня же с домом покончим.

– А-а! – баба Груня вскочила с внезапной резвостью. Взгляд ее сделался диким. – Не дам! Не дам дом! Последнее, что от Самого осталось! Лучше враз прямо со мной палите!

Под окном послышался голос бригадирши. Поцапанный Вадичка предусмотрительно задвинулся в угол:

– Щас она нам наработает.

Дверь отворилась. На пороге стояла приветливая женщина – в кокетливо повязанной на шее косынке.

– Ну, как спалось, мальчиши? Претензий нет? Может, поработаете?

При этом обращалась она почему-то к Листопаду. Листопад и ответил:

– Стало быть, слушай сюда, Клава.

– Слушаю, Иван Андреевич.

– Картошку копать мы, конечно, не будем. Не мужское это дело. – А что, если с Михрюткой? – торопясь и радуясь находке, опередила Клава. – Он у нас умелец. ГАЗ-шестьдесят шестой сам собрал из запчастей. Ездит по отделению. Правда, без номеров... Так, может, с ним за грузчиков? Камни перевозить?

– Это можно, – снисходительно согласился Иван. – На это дело мы Непомнящего и Антона выделим. А для меня... У тебя комбайны есть?

– Так нерабочие, считай, оба.

– Даже лучше. Имеются у меня кой-какие задумки. Помозгуем, модифицируем. Но это всё завтра. Потому что сегодня мы будем работать не на дядю, а на бабу Груню. Так что иди пока, выгуливайся до вечера, – Листопад шлепнул бригадиршу по объемистому заду, подтолкнул в сторону двери.

Клава хохотнула. Через десяток секунд с улицы раздался ее бодрый, радостно-возбужденный командирский голос.

– Ну, ты... орел, – оценил Антон.

– А шо? Хорошая баба. Только куда ей здесь податься? – Листопад зыркнул на ощерившегося сально Вадичку, ловким движением ухватил его за нос. – И шоб никакой грязи, понял?

– Так мне-то чего? – Вадичка вырвался. – Я как раз не любитель антиквара.

– Сосунки вы. В сорок пять баба ягодка опять. Так, баба Грунь? – Листопад потянулся.

– И то! – оправившаяся баба Груня хихикнула. – У меня у самой Сам на пятнадцать годов младшее был. И – я его жалела. Уж так жалела!

Ближе к вечеру коровник исчез как не бывало. Антон в одиночестве курил возле свеженарубленной поленицы, ощущая приятную ломоту в натруженных суставах. Сновала на месте бывшей пристройки, подбирая последний мусор, радостная баба Груня. Листопад ушел к бригадирше. Исчез и Вадичка, прослышавший, что на другом конце деревни разместили студенток из областного музучилища. Но скоро прибежал. Взлетел, запыхавшийся, на крыльцо, выбежал с гитарой:

– Чего сидишь? Девок как грязи понаехало. Там среди них моя чувиха знакомая обнаружилась. Веселье будет. Может, и нальют. Пошли?

– Пойдем, – оставаться одному не хотелось.

* * *

– Ба, какая встреча! – темноволосая девушка в обтягивающем свитере и застиранных джинсиках подошла к Антону. – Меня, если не запомнил, Лидия зовут.

– Ты, – Антон узнал прежнюю малолетку, тащившую его на себе до больницы. Значительно скосился на обувь. – Ну, слава Богу.

– Что «слава Богу»? – она растерянно глянула вниз. Все вроде было в порядке, – сапожки вполне приличные.

– Да туфельки твое остроносые до сих пор в кошмарах вспоминаются.

Лидия рассмеялась, – то ли виновато, то ли игриво.

Пригнулась к Антону, обнюхала:

– Надо же, отмылся.

– Так это ты меня к бабе Груне притащила! – ахнул он.

– Такая уж, видно, моя планида! По жизни тебя волочить!

Она подмигнула оказавшейся рядом подружке. Подружка непонимающе хихикнула.

Озорные Лидины глаза выглядывали из-под нависшей челки, будто бесенята из-за занавески. Искрящееся лукавство делало ее совершенно неотразимой. И даже длинноватый нос теперь, когда лицо чуть округлилось, только добавлял шарма. На месте прежней нескладной девчонки стояла девушка. Свеженькая, будто редиска из грядки.

Что-то сдвинулось в Антоне.

Вокруг сновали, накрывали стол, зыркал на них брэнчащий на гитаре Вадичка, – Антон ничего не замечал и никого не слышал. Ему не хватало воздуха.

Невольно подражая Ивану, он поймал прядь длинных смоляных волос:

– Настоящие?

– У меня всё настоящее! – насмешливо объявила Лидия, заметив, что глаза его прилипли к выделяющейся под белым джемпером груди.

Антон покраснел.

– Может, погуляем? – буркнул он, уверенный, что получит отлуп.

– Как скажешь, – неожиданно просто согласилась она.

Они сидели на бревнах за деревней, тесно прижавшись. Длинные Лидины волосы, в которые она вплела желтые ленты, развевались на ветру зацветшим кустом окации. Вдали, в свете красного садящегося солнца, по лугу на стреноженной кобыле скакал деревенский пацаненок, в восторге размахивая снятой рубахой. Кобыла подпрыгивала, смешно отключивая зад.

Антон с показным интересом следил за ее прыжками. Решимость, с какой он увел из избы Лидию, улетучилась. После практики, пройденной под руководством опытной Жанночки, он

казался себе бывалым мужчиной. Но, оставшись наедине с девушкой, оробел. И избавиться от накатившей застенчивости, как ни старался, не получалось. Примолкла и бойкая поначалу Лидия. Молчание неприлично затягивалось.

Надо было на что-то решаться. Антон потянулся поцеловать девушку. Но Лидия уперлась руками ему в грудь, энергично замотала головой, рискуя разбить обоим лицо.

– Хотел-то исключительно дружеский поцелуй, – буркнул незадачливый обольститель.

Наверное, выглядел он жалко, потому что Лидия вдруг успокоилась, поощрительно улыбнулась и сама показала пальчиком на щечку.

– Так и быть. Но только чтоб дружески.

Антон аккуратно поцеловал ее в краешек губ. Оторвался, удивленный молчанием. Лидия сидела раскрасневшая, с закрытыми глазами, будто вслушиваясь во что-то внутри себя. Голова Антона сладко закружилась, и он припал к влажным, раскрывшимся навстречу губам. Наконец оторвался.

– Дружески не получается, – пожаловался он. – Придется репетировать.

– Что? – Лидия открыла глаза. Взгляд ее был далеко.

Не в силах сдержать удивительную, переполнившую его нежность, Антон подхватил девушку на руки и принялся кружить.

Антон шел в темноте вдоль деревни, то и дело спотыкаясь, как накануне, и – улыбался. До ночи пробродили они вокруг деревни, обнимаясь, целуясь напропалую. Но всякий раз, как пытался он обхватить ее грудь или спустить руку ниже талии, Лидия, державшаяся опытной женщиной, зажималась и отстранялась. Антону было тревожно и удивительно радостно. Тревожно – потому что не знал, будет ли она при новой, завтрашной встрече такой же щемяще – нежной, как при расставании, или, как ни в чем ни бывало, – лукаво-насмешливой. А радостно – потому что еще немного, и – наступит завтра. И тогда останется перетерпеть рабочий день, а там – они опять увидятся.

Антон счастливо засмеялся.

* * *

Жизнь, как писал поэт, входит в берега. Дни теперь потянулись один за другим.

Листопад не вылезал с тракторного стана, где с помощью механизаторов что-то переделывал в поломанных комбайнах. В деревне в глаза и заглазно величали его не иначе как уважительно – «спирант».

К бабе Груне он заскакивал изредка под вечер, возбужденный, с блестящим лихорадочно взглядом. Вытаскивал тетрадку и, усевшись за стол, принимался рисовать схемы и набрасывать формулы.

– Так, это ты врешь – не возьмешь, шоб я тебя не достал. Завтра, пожалуй, попробуем с другого боку зайти, – бормотал он.

– И о чем речь? – как-то, лежа на излюбленной печи, лениво справился Антон.

– О комбайнах. Хочу в принципе поменять один механизм. Если срастётся, такой диссер слеплю, что посильней «Фауста» Гёте грохнет!

– Погоди! Так у тебя ж диссертация как будто совсем на другую тему! Сам же говорил, что работы там осталось на месяц, если без пьянки.

– Та как можно без пьянки, если там сплошная мертвечина! – беззаботно отмахнулся Иван. – А здесь живое! Перспективы – громадьё! Всё сельское хозяйство переделать можно. Ты про столыпинские реформы слыхал?

– Это который на «столыпинских галстуках» в 1905 году рабочих вешал?

– О! Как же вбили вам, – Иван расстроился. – На самом деле великий реформатор. У меня батя специально его программу изучил и мне пересказал. Пытался Россию переделать, шоб вместо такой вот шантрапы, – он ткнул в окно, – на земле хозяин появился. Хутора, наделы. Тогда и отдача совсем другая. Вот и я думаю – возродить его идеи на новом, так сказать, витке эволюции. А для этого техника соответствующая нужна. Минитрактора такие, многофункциональные.

– Какие идеи? Какие хутора? – Антон встрепенулся. – Ты что, собираешься против колхозов выступить?! Это ж основа основ!

– Все равно к этому придут, – буркнул Иван. – Отступить дальше некуда. И тут, кто смел, тот и съел. Я всё продумал. Чтоб сразу не испугать, сначала кандидатскую насчет минитракторов защищаю. Вроде никакой идеологии. А потом уж – на уровне докторской – можно обдумать, как такие хозяйства по всей стране организовать. А шо мелочиться? Жизнь дается один раз. И прожить ее надо захлеб. В полете! Шоб самому в кайф! Представляешь? Листопадская реформа! Звучит?

Он всклокочил волосы.

– Недоступный вы, Иван Андреевич, моему разуму человек, – свесившись с печи, любовно констатировал Антон. – Просто-таки матерый человечисе.

Листопад самодовольно хмыкнул. Он и впрямь ощущал себя былинным богатырем.

* * *

Сам Антон вместе с Вадичкой работал на погрузке-разгрузке камней. Собственно то, чем они занимались днем, работой можно было назвать с натяжкой. С утра к дому бабы Груни на раздолбанной «лайбе» подкатывал Михрютка, и втроем ехали они на озеро Ледовое, на берегу которого скопилось множество камней. Камни эти надлежало грузить и перевозить к строящемуся коровнику.

День начинался с того, что Антон с книгой заваливался на лугу, а Вадичка принимал от Михрютки очередной рапорт. Дело в том, что молодожен Михрютка под руководством Непомнящего проходил курс молодого сексбойца и каждое утро отчитывался о выполнении полученного накануне домашнего задания. Таинственные слова «минет», «анус», «коитус» наполняли Михрютку сладостным предвкушением.

– Да. Теперь я её да. Теперь она у меня не забалует, – после последнего инструктажа Михрютка предвкушающе потряс кулаком. Восхищенно поцокал. – И как это вы, Вадим Кириллович, так много знаете? Это ж сколько надо учиться.

После первого же занятия Михрютка проникся к наставнику таким безграничным уважением, что обращался не иначе как на «вы» и по имени-отчеству.

– Ладно, ладно, еще не тому обучу, – Вадичка снисходительно похлопал его по щеке. – Я пока сосну чуток, а ты покидай камни. Только отъежь в сторону, чтоб не греметь!

Довольный собой, Вадичка раскинулся на траве. Он чувствовал себя миссионером, несущим культуру диким туземцам. А Антон просто чувствовал себя совершенно переполненным счастьем.

* * *

Однажды он вернулся далеко за полночь. Листопад, как обычно, отсутствовал. Зато Вадичка не спал. Лежал с открытыми глазами на приступочке и, не мигая, смотрел в темный потолок.

– Нагулялся вволю? – процедил он, дождавшись, когда приятель вскарабкается на печь.

– Да. А ты что один? Девиц ведь полно, – счастливому Антону хотелось, чтоб были счастливы все остальные. Даже Непомнящий.

– Девиц! Хватаетесь за что ни попадя, – со смешком огрызнулся тот. – Знай, мальчик: вкусивший «Абрау-Дюрсо» на дешевую бормотуху размениваться не станет. Вот до Твери доберусь, а там Вике себя во всю мощь покажу.

Сказать о том, что накануне отъезда он получил от Вики отлуп, Вадичке не позволило самолюбие. Но и слышать в темноте счастливое дыхание другого было нестерпимо.

– А ты, небось, с Лидкой опять валандался?

Тон его Антону не понравился, и он предостерегающе свесился вниз:

– Предположим. Что с того?

– Да ничо. Для друга не жалко.

– Что-о?!

– Неужто не говорила? – Вадичка ощерился. – Глазки-то, поди, закатывала? О, это она любит, под девочку поломаться!.. Ты чего вылупился? До сих пор не поимел, что ли? От пентюх! Классик платонической любви. Кончай ты эти антимионии. Первым делом за вымя хватай. То-то завоюет от удовольствия... Чего молчишь? Спишь, что ли?! Тогда спокойной ночи.

Антон, опустошенный, вцепился зубами в руку, чтоб не всхлипнуть, и беззвучно содрогался, мотая от безысходности головой.

Вскороности захрапел сгдюшничавший, а потому вернувшийся в хорошее расположение духа Непомнящий.

Уснуть Антон больше не смог. Он спрыгнул на пол, тихонько оделся и выскользнул из избы. Добрел до барака студенток, забарабанил в окно.

– Кто еще? – выглянуло чье-то заспанное лицо.

– Лидию позови! – потребовал Антон.

– Да ты вообще-то!.. Знаешь, сколько сейчас?!

Послышались встревоженные голоса.

– Зови, говорю. А то дверь выломаю!

Через несколько минут засов открылся. Перед ним стояла наспех одетая Лидия:

– Господи, Антошка, что случилось?

– Пошли! – грубо схватив за руку, он оттащил ее к сараю.

– С Непомнящим гуляла? – выдавил он из себя. Надеюсь, что она тут же вцепит ему крепкую затрещину или фыркнет презрительно, выдав что-то в своем негодующе-язвительном тоне насчет подлых клеветников и доверчивых пентюхов, и тогда он со сладким восторгом станет вымалывать у нее прощение.

– Значит, разболтал всё-таки, – устало произнесла Лидия. – Вот гнус. Надо было самой сказать. Да я и гуляла-то с ним всего месяца три. Можно сказать, не считается.

Она потянулась обнять Антона.

Антон задрожал:

– Дрянь! ...

Он с силой отбросил ее руки и, спотыкаясь, побежал в темноту.

– Причем тут? – обескуражено пробормотала Лида. И только теперь поняла, что именно имел он в виду под словом «гуляла». Поняла и зарделась от обиды.

– Да пошел ты в таком случае! И чтоб больше не появлялся! – во всю силу звонкого голоса крикнула она. Крик ее разбудил соседскую собаку. Та в свою очередь подняла лаем остальных, и вскоре собачий брех переполошил всю деревню.

Антон брёл по улице, сопровождаемый льющимся из-за заборов лаем. Наконец остановился у ворот – единственных, за которыми было тихо. Прижался лбом к надписи «Осторожно, злая собака». Из глубины послышалось рычание, загромычала цепь; с другой стороны забора

задышали. Антон зажал губы рукой, воровато обернулся и, убедившись, что улица пуста, не в силах больше сдерживаться, зарыдал навзрыд.

Грозное рычание сменилось озадаченным молчанием. А потом произошло неожиданное. Вторя плачу, собака вдруг заскулила. Так и стояли они, рыдая по разные стороны забора: человек и пожалевший его сторожевой пес.

* * *

В четвертом часу утра в дверь избы нетерпеливо заколотили.

– Иван, ты, что ль, баламут? – баба Груня откинула щеколду. В избу, оттолкнув ее, ворвался Михрютка, повернул выключатель, зыркнул по заспанным лицам.

– Где спирант?

– Известно где. За Фомичева отрабатывает, – буркнул Вадичка.

– Я прямо из Удзурина, – Михрютка тяжело дышал, будто расстояние от Удзурина покрыл не на машине, а бегом по пересеченной местности. – Председатель послал срочно. Опять связь порвалась. Собирайтесь живо. В шесть утра поезд через Сандово пойдет.

– Какой там поезд?! – Антон, уснувший лишь под утро, мотнул тяжелой головой. – Нам неделю тут еще...

– Плеве старшего из больницы привезли. Нос пришили. Но – как-то боком. Братаны перепились. За брата, говорят, монтажками забьем. В общем убивать вас едут, – просто произнес Михрютка. – С ними еще человек пять.

Баба Груня привычно принялась оседать: чего-чего, а событий за эти две недели досталось ей на всю оставшуюся жизнь. Михрютка подхватил ее, встряхнул.

– Некогда закатываться, бабуля. Дуй пулей за спирантом!

Баба Груня с внезапным проворством выскочила из дома.

– Где они?! – Вадичка обеими ногами одновременно влетел в штаны.

– В Парфеново на трактора садились. Я их минут на двадцать на своей лайбе обошел. Минута дорога. В общем собирайтесь, а я тоже к Клавдии. Потороплю.

Он выбежал вслед за бабой Груней.

Вадичка меж тем не разбирая швырял в рюкзак вещи. При виде Антона с зубной щеткой остолбенел:

– Ты чего-й-то?

– Зубы почистить.

– Ну, ты сынок. Да если сейчас сюда Плеве эти навалятся, они тебе монтажками так их начистят, что аж засияют. В кучке.

– Все равно Ивана пока нет. Слушай, а если его не найдут? Мало ли куда мог.

– Ему же хуже, – огрызнулся Вадичка. – Сам виноват. Я, что ль, чужими носами закусываю? Да я потомственный, можно сказать, вегетарианец. Вяжется в каждую свару, каннибал хренов! А другим потом того и гляди башку пооткручивают.

Вадичка остервенело затянул рюкзак.

– Ты чего, бросить его, что ль, предлагаешь?! – догадался Антон.

– Бросить, не бросить! Туфту городишь. На том свете благородства нет. Слышал же, с минуты на минуту будут. А тогда!.. О! Ты их рожи видел? Ноги делать надо, понял? Так идешь?

– Ох, и сука ты, Вадичка! – протянул Антон, не слишком впрочем удивившись.

– Лучше быть живой сукой, чем мертвым идиотом... Да что с тобой говорить, прибабахнутым?

Подхватив рюкзак, Непомнящий выбежал в сени. Антону послышался щелчок машинной дверцы.

Листопад объявился минут через десять, взъерошенный, – в сопровождении страдающей Клавы и бабы Груни.

– Вещи твои собраны, – кивнул на рюкзак издергавшийся Антон. Рядом с рюкзаком Иван узрел пару приготовленных ломиков. Усмехнувшись, присел к столу:

– А где этот гарун? Успел дёру дать?

– Вестимо.

– Вообще-то стоило бы помахатьсья. Да и работу не доделал. К самому финишу подобрался.

– Да Вы соображайте! – вскинулась Клава. – Они ж бандюги несусветные. Очень вас прошу, Иван Андреевич. Ну, для меня.

– И для меня, – поддакнула баба Груня.

– Пора, пора, Ванюша, – Антону послышался отдаленный гул тракторных моторов, внизу живота неприятно заныло.

Вбежал Михрютка:

– Кто-то машину пытался угнать, – все провода наружу.

– Известно кто, – Антон матернулся.

– Еле завел. На пяти тракторах, пьяные. Давайте живей. А то и меня с вами зараз порешат.

– Ну, шо ж, Кутузов тоже отступал, – Листопад нарочито-неспешно докурил, закинул рюкзак:

– Бывай, баба Грунь.

– Бывай, сокол, – баба Груня, не таясь, перекрестила своего любимца, поцеловала. Вслед за ним Антона.

Когда залезли в кабину, запричитала Клава:

– Ванечка, родимый! Мужичок мой желанный!

– Полно блажить, Клавдия! – Листопад заметно смутился. – Другого хახеля найдешь.

– Да найду, конечно. Как не найти! Только где ж я второго такого Ванечку отыщу? – могучая бригадирша совершенно разрыдалась.

Лайба рванула и запрыгала вдоль деревни. Сразу за околицей в свете фар метнулась тень.

– Вот он! – распознал Антон.

– Ну-ка притормози, – потребовал Листопад. Встал на подножку. – Эй, паскудник!

Обрадованный Вадичка выскочил из кустов. Не теряя времени, вспрыгнул на колесо, готовясь перемахнуть в кузов. Но оказался безжалостно сбит ударом Листопадовского каблука.

– Шо? Машину не смог завести?

– Не смог.

– Ох, и пакостник же ты, Непомнящий! Как жить-то станешь?

– Не о том мысли, как жить, а о том, чтоб выжить, – Вадичка вновь попробовал забраться в кузов, но Листопад ухватил его за ворот, тряхнул.

– Даже не думай.

– Убьют ведь, – всхлипнул Вадичка, всё ещё надеясь на милосердие. Но жалости к себе не уловил. Потому немедленно перешел на шантаж. – А с вас потом в ректорате спросят, куда, мол, Вадичку подевали. А Вадички незабвенного уж и в живых не будет. И батяня не простит.

– Да кому ты нужен? – не поверил Листопад. – Сгинешь – вони меньше. Думаю, даже собственный папаша свечку поставит. Он же с таким сынулей сам на пороховой бочке. Да ведь и не сгинешь. Выскребешься. Жми, Михрютка!

Листопад со злостью захлопнул кабину.

– Может, все-таки?.. – Михрютка медлил. – Какой-никакой... И знает много всякого.

– Ты сам тронешь или мне сесть?

Михрютка отжал сцепление.

На полупустой утренней станции они еще двадцать минут в волнении ждали запаздывающего поезда, беспрестанно поглядывая назад, на дорогу: не показалась ли тракторная колонна. Так в войну раненые, ожидающие санитарного эшелона, с опаской высматривали прорвавшиеся вражеские танки.

И, уже когда поезд дернулся, натужно набирая скорость, Антон то ли увидел, то ли привиделись ему горизонтально лежащие клубы дыма.

Поезд проходил мимо Удзурина. Не отрывавшиеся от окон Антон и Листопад одновременно разглядели бредущего по утреннему селу дядю Митяя – в окружении механизаторов. Похоже, День Никиты продолжался.

Через сутки они добрались до Твери. И как же далеко, даже не в прошлом, а будто бы в небывалом остались и блудливый председатель товарищ Фомичев, и грозный молодожен Михрютка, и колядующий дядя Митяй, и убежденная атеистка баба Груня, и крутой бабец Клава. Вот только занозой засела в Антоне его несостоявшаяся первая любовь и – выжигала всё изнутри. Ну, да что там? Время лечит. А пока первую, самую жгучую боль залижет безотказная Жанночка Чечет.

* * *

Вика выпорхнула из арки и с разгону уткнулась носом в чью-то грудь.

– Шо ж ты, Златовласка, летишь, как шаровая молния? – послышался сверху насмешливый голос, от которого Вике сделалось жарко. Она хотела ответить чем-то небрежным. Но сильные руки обхватили ее и с силой притянули.

– Не отпущу, – хриплым голосом прошептал Иван.

Не отпущай, – придушенно согласилась Вика.

На низком старте

В феврале 1985 года на Ученом Совете Перцовского сельскохозяйственного института состоялась защита на соискание ученой степени кандидата технических наук Иваном Андреевичем Листопадом.

Защита привлекла к себе внимание, что для кандидатских диссертаций вообще-то редкость. Прежде всего звучной фамилией соискателя – Листопад, сын покойного корифея Андрея Ивановича и, что важнее, – племянник вице-президента Академии наук Петра Ивановича. Но главное, что подогревало всеобщее любопытство, – исследование представляло собой не очередной «кирпич» в ряду прочих безликих в своей похожести диссертаций-«однодневок», но оказалось истинно незаурядным. И даже, по единодушному мнению рецензентов и оппонентов, при некоторой снисходительности к оформлению вполне могло бы потянуть сразу на докторскую степень. Во всяком случае экономический эффект от предлагаемых новшеств в случае их внедрения обещал составить оглушительную цифру.

Пара черных шаров, обнаруженных при подсчете, только добавила популярности диссертанту. При несомненно высоком уровне исследования черные шары не могли означать ничего иного, как появление завистников. Завистники же, как известно, – вернейший симптом преуспевания. Стало очевидно, что в науку пришло новое, серьезное имя.

Самого Ивана, правда, сильно смущала неопределенность с дальнейшим трудоустройством. Но здесь же, на банкете, решилось и с этим. Первый оппонент, проректор Плехановского института, предложил Ивану место старшего преподавателя на кафедре сельхозмашин. Осталось «задробить» результаты у дядьки, из-за болезни не присутствовавшего на защите, и – перебраться в Москву. Постылая тверская ссылка, похоже, подходила к концу.

Сразу после защиты, разгоряченный выпитым, весь в комплиментах и поцелуях (как сказал бы Вадичка, – возбужденный легким петтингом), Иван на машине одного из оппонентов доехал до Москвы, добрался до дядькиной квартиры. Требовательно позвонил. Умиленно услышал дробот босых ножек.

Таечка, в ожидании двоюродного брата-триумфатора, не спала. Потому, едва услышав звонок, как была, в ночной, до пят рубашке, бросилась к двери. Хотя за месяц до того в семье торжественно отметили Таечкины шестнадцать лет, совершеннолетие мало изменило ее. Она оставалась той же порывистой худенькой девочкой с распахнутыми глазенками, какой была и в десять, и в тринадцать. Торопясь, отперла засовы, ойкнула и обмерла: на пороге висела в воздухе огромная, составленная из многих букетов мокрая охапка, из-под которой торчали длиннющие ноги.

– Получай! – произнесла охапка, и в ту же секунду на завизжавшую Таечку обрушился водопад, заливший ее водой и цветами.

– Ванюшка, чертенька, дай немедленно поцелую, – Таечка, выскочив из цветов, требовательно приподняла ручки и, подпрыгнув, повисла на брате. Он подхватил ее, подбросил осторожно, как подбрасывают большого плюшевого мишку, поднес к лицу, чмокнул в носик.

– В губы, в губы! – требовательно потянулась Таечка. Но Иван с изменившимся лицом вернул сестру на пол. Вслед за его взглядом Таечка скосилась на зеркало и – запунцовела: сквозь вымокшую ночную рубашку просвечивало голенькое тело формирующейся женщины.

– Подумаешь! Мог бы и не заметить, – бессмысленно прикрыв грудь руками, Таечка просеменила к своей комнате, на пороге обернулась. – Хоть и хам, а все равно поздравляю!

Она поспешно юркнула за дверь, тем более, что в коридор уже выходил сам Петр Иванович, с шеей, укутанной шерстяным шарфом.

Листопад-старший специально не поехал на защиту, дабы избежать кривотолков о протекционизме, – свежа еще была память об андроповских временах.

При виде дядьки племянник вытянулся, взбросил руку к несуществующему козырьку.

– Знаю, знаю! – дядя Петя с отеческой улыбкой полководца, обрывающего рапорт отличившегося в бою, замахал руками. – Проходи! Целовать не буду, чтоб не заразить. И даже о черных шарах знаю. Один сам попросил кинуть. Для перцу!

– Надеюсь, самочувствие позволит рюмашку-другую? – Иван, зайдя вслед за дядькой в гостиную, выудил прихваченную бутылку «Камю».

– Самочувствие как раз на поправку, – дядя Петя сорвал шарф, с видимым наслаждением обтер раскрасневшуюся шею. – А вот в ВАКе проконтролирую, чтоб без сбоя. Больно мне второй шар не понравился. И чей бы это шар? Не догадываешься?

– Да пошло оно! Собака лает, наш, Листопадовский, караван идет, – Ваня разухабисто разлил коньяк по рюмкам, приподнял свою и залпом опрокинул.

Пришуренный дяди Петин глаз стреножил разогнавшегося Ивана.

– Эва, как лих. Знаю, что в Плехановку пригласили. Что полагаешь?

– Думаю согласиться, – вообще-то Иван не думал согласиться. В том смысле, что даже не раздумывал, – в двадцать пять лет попасть на престижнейшую столичную кафедру, – ответ виделся очевидным. И все-таки фразу эту «думаю согласиться» он произнес неспешно, – ведь почему-то дядька об этом спросил.

– А ты что, не советуешь?

– Не то, чтобы не советую, – не позволю, – Петр Иванович отхлебнул коньяку, поморщился, неспешно, будто не замечая раздражения племянника, потянулся за ломтиком заветренного лимончика и, обнюхав, опустил в запрокинутую глотку.

Иван ждал. Петр Иванович жевал, хрумкая и причмокивая. Краем слезящегося глаза наблюдал за закаменевшим племянником.

– Научился терпеть, – отметил наконец Петр Иванович, будто тест принял. – А вот ответка мне, племяш, что для тебя важнее: постижение истины или фимиам в случае успеха? От чего больше кайф испытываешь? Только откровенно.

– Так от всего!

– Во-о! Весь ты в этом, – дядя Петя прихлопнул себя по коленям, будто только что получил доказательство собственной гипотезы. – Тебе всё сразу подавай!

– И что с того? – Иван нахмурился.

– Да то, что не вписываешься. Вот скажи, зачем хочешь в Плешку?

– Понятно зачем. Москва! Опять же на виду. Еще годик-другой и – на доктора выйду. Сам говорил.

– А вот не ври! Говорил, что через пару лет можешь до докторской довести, а чтоб доктором стать, – это, извините-подвиньтесь! В Москве на доцента очередь расписана. А уж двадцатипятилетних докторов – такого не было и, поверь мне, не будет. Не теоретическая физика! Можно, само собой, корпеть лет десять, набирать вес в статьях, на конференциях. В тридцать пять квартирка где-нибудь в Чертаново. Под сорок, глядишь, – «остепениться», а лет в сорок пять – молодым профессором станешь. Желаешь так?

– Еще чего! – понятия «сорок пять» и «молодой» в Иване решительно не совмещались. Как сладкая водка.

– Тогда возвращайся в Перцов.

– К-куда? – Иван поперхнулся.

– В Перцовский сельхозвуз. Назад к Демченко. Для начала на должность и.о. доцента. Наберешь вистов. А через два-три года станешь первым перцовским доктором наук. Я им под это докторский Совет пробью. Своих-то претендентов не густо – не Москва. А кто объявится, отошьем влежку.

– Первый доктор на деревне? – съязвил Листопад. Он чувствовал себя глубоко уязвленным. Будущее в двадцать пять исчисляется в сутках. Отдаленное – в месяцах. Все, что лежит

за пределами двенадцати месяцев, представляется смутным и недостижимым, как галактика. И вот теперь никто другой, как дядька – ближайший человек, беззастенчиво рушит его, Ивана, блестящую будущность, зачем-то вновь отсылая в глухую провинцию. Иван силился понять, что руководит дядькой, не мог и – оттого мучился.

Петр Иванович, пряча улыбку, всматривался в поджатые губы племянника, – читать мысли юного честолюбца было просто и весело.

– Пойми, Ваня, в Москву не вползают. Ее удивить надо. Удивишь – тогда и завладеешь. А доктор из провинции, которому и тридцати нет, никому ничего не должный и никому не перешедший дорогу, – это сильный ход! Такого, как джокера из колоды, сразу на престижную кафедру кинуть можно. А, пожалуй, и с этим не стоит торопиться, – прикинул он, чем еще больше напугал Ивана. – Завкафедрой тоже не уровень. До пенсии застрять можно. Если всё пойдет как задумано, после защиты докторской пригляжу под тебя институтик где-нибудь на Кубани. А уж оттуда – лет еще через пяток – тебе и в Москве цена другая будет!

– Куда уж выше. Рази что прямо в Политбюро, – огрызнулся Иван.

– Кстати! – спохватился Петр Иванович. – Всё это может срастись, только если вистов по партийной линии поднаберешь. Для начала – через комсомол!

– А вот от этого уволь, дядя Петь! «Кивал» да холуев на партсобраниях без меня в достатке. Решили в науку, так давай не блукать. Так, что ли? – неуверенно переспросил Иван: уж больно изменился в лице выдержанный обычно дядька.

– М-да, всякого от тебя, племяш, ожидал, но – чтоб откровенной глупости... – Петр Иванович показал пальцем на опустевшую свою рюмочку. – Гляди, никогда больше ничего подобного не сболтни.

– Да я только тебе!

– Ни мне, ни в мыслях. И – не перебивай! Я тебе правила жизни надиктовываю. В соответствии с твоими же, между прочим, аппетитами.

Петр Иванович поднялся и принялся прохаживаться за спиной Ивана, так что тому поневоле приходилось бесконечно поворачиваться, отчего стул мучительно скрипел.

– Науки он чистой возжелал! – Петр Иванович вернулся на место, пригубил. – А вот, скажем, ты диссертацию защитил. Хороша диссертация? Хороша! А уж подал ты ее на Совете, говорят, на загляденье. Всех уел! А теперь представь на минуту, что выступил ты на бис, вышел из-за кафедры, а, глядь, – на тебе поперх брюк трусы! – довольный удавшейся образностью Петр Иванович хлопнул себя по худощавым ляжкам.

– Причем тут брюки?

– Не брюки, а трусы поперх брюк. Вот скажи, присвоили бы тебе после этого ученую степень?

– Скорее в дурдом бы отправили!

– О! Стало быть, понимаешь, что наука наукой, но существуют еще условности, без которых нельзя. Правила общежития.

Говоря, он подошел к двери, убеждаясь, что дочь не подслушивает. Прикрыл поплотней и все-таки убавил в голосе:

– Партийность – та же условность. Знак лояльности. Как собачья метка на снегу, – свой-чужой. Если б вся твоя мечтательность на колбах да на – что у тебя там? Планетарный обмолоточный барабан? замыкалась, как у отца твоего, – это одно. Но ты-то не того хочешь. Ты себя через науку возвысить жаждешь. Так или нет?!

– Так! – через силу подтвердил Иван. Хоть и неприятно услышанное и по-прежнему раздражала перспектива застрять в провинции, но при всей заносчивости он умел слушать, а потому понимал: то, что втолковывают сейчас ему, и есть истина. И если бы не имел он такого дядьки, то сам бы пришел к ней, но – позже: набив бока и, быть может, безнадежно искромсав собственную будущность.

– Так, дядя Петь!

Взгляд Петра Ивановича оттаял.

– Вот и славно. Тогда начинай завоевывать провинцию, – дядя Петя хмыкнул, собираясь сказать колкость.

– Об одном прошу: держи свое «я» безразмерное в руках. Чтоб другие раньше времени не разглядели, какой в тебе динамит запрятан.

– Так шо ж я могу, если выпирает, – в тон ему пробасил Иван. И, понимая, как польстить, добавил, – то ж наше, фамильное. Рази удержишь...

Тут оба: дядька и племянник, – резко обернулись на звук надсадно вздохнувшей двери. В проеме показалось испуганное лицо оступившейся Таечки, – она-таки подслушивала.

– Я, между прочим, на кухне накрыла, – дерзко объявила она. – Пойдемте вместе отметим!

И, подбавив в голос сиропу, на что всегда поддавался отец, прибавила:

– Все равно ведь не спится.

Бильярдное сукно как предмет земельного права

После возвращения из колхоза Антон Негрустуев ушел из материнского дома. По случаю юбилея химической промышленности мать, выросшую до председателя обкома профсоюзов химиков, наградили орденом. Возгордившаяся Александра Яковлевна, вернувшись с торжественного мероприятия слегка под шафе, принялась вразумлять сына, тот огрызнулся. Слово за слово, оба, как у них водилось, распалились. Александра Яковлевна в сердцах обозвала сына захребетником. Едва выговорив, спохватилась, попыталась обернуть в шутку. Но самолюбивый Антон на примирение не пошел, тем более что это была правда – жил-то на материнские деньги. На другое утро собрал вещи и к матери с того дня ходил исключительно в гости по выходным.

Александра Яковлевна несколько раз попыталась вернуть Антона домой. Но в конце концов отстала, оценив демарш любимого, но непутевого сына с неожиданной в ней философичностью:

– Перебесится дурак, вернется. Все вы мизерабли да нигилисты, пока мать не понадобится.

Быть может, это больше всего и уязвляло самого Антона, – окружающие именно так и воспринимали его метания: чего не повыпендриваться, если за спиной железный тыл.

Истинный философ не ищет удобств. Диоген жил в бочке. Антон Негрустуев, уйдя от матери, обосновался в подвальчике у некой тети Паши, сдавшей ему угол – проходную комнатку у входной двери. Обстановка в комнатенке была самая незатейливая. Могучая, занимавшая половину пространства чугунная кровать да заваленный книгами хлипкий письменный стол, из-под которого выглядывала пара табуреток. К стене у печки был примастырен рукомоийник с подставленным помойным ведром. Другой мебели в комнате не имелось.

Впрочем особенных неудобств Антон не испытывал. Сухонькая, прихрамывающая хозяйка сновала по дому бесшумно, словно подбитая, но шустрая птичка, Антона не отвлекала. Правда, к курчавому, с персиковыми щеками постояльцу зачастили гости. Но и тут все решалось полюбовно – к обоюдному удовольствию, Антон подносил старушке бутылочку красного. Тетя Паша принималась кокетливо отказываться, но крылья сизого ее носа предательски подрагивали. Наконец, с ужимками прихватив поднесенное, уходила к себе и больше в этот день своим присутствием не докучала.

Под стать убогому подвальчику был и зачуханный дворик, образованный тремя обшарпанными – пятидесятих годов – двухэтажками. Из Антонова оконца как раз открывался чудный, почти швейцарский вид: округлая, будто озерцо, лужа, посреди которой вмерзло проржавевшее до ажурности ведро. То и дело со двора доносилось металлическое позвякивание, – посетители пивбара по соседству, заскакивавшие в подворотню справиться малую нужду, выцеживали в ведро.

Антон легко научился обходиться без родительской поддержки. Хотя именно сейчас железный тыл ему бы не помешал.

Вот уж четвертый месяц Антон Негрустуев значился кандидатом на исключение из университета – в связи с неудами по земельному праву. И через полторы недели должна была состояться переэкзаменационная комиссия.

Курс земельного права читал профессор Суханов. Студенческая молва определяла его как человека болезненно самолюбивого. Поэтому студенты аккуратно посещали его лекции и переписывали их друг у друга. Антон же ходил только на те лекции, на которых, как считал, может получить что-то, чего нельзя найти в учебниках. К экзамену Антон подготовился основательно, к тому же удачно вытащил билет, чувствовал себя вполне уверенно и в ожидании очереди с интересом изучал грозного профессора.

Говорят, в человеке до восьмидесяти процентов жидкости. Глядя на Григория Александровича Суханова, поверить в это было решительно невозможно. Григорий Александрович был тощ, желчен и волокнист, словно копченый сыр чечел. Длинные ноги его торчали из-под стола подметками наружу, – неподвижные, как протезы. Обтянутые по деснам щеки, пергаментный, помятый подбородок и горящие сухим блеском глаза поражали всякого, кто с ним сталкивался. И – пугали. Удивили они и Антона, когда вышел он отвечать. Но – не сбили. Все-таки перед экзаменом для крепости духа он заскочил в кафе «Белый аист», где остограмился.

«Билет № 8», – еще не дойдя до стола, решительно объявил Антон. Памятуя, что крепости берутся натиском.

– Вы кто? – удивился Суханов.

– Студент Негрустув, – Антон положил раскрытую зачетку.

– А... что-то я вас прежде не видел?

– Так и я вас не видел, – коньяк побежал по жилам.

– Важно, кто и где не видел, – в блеске глаз Суханова добавилось чуть-чуть веселья, будто в воду капнули марганцовки. – Я вас на своих лекциях не видел.

– Я не ходил.

– Вот как? И чем, позвольте полюбопытствовать, вы были так заняты, что не снизошли?

– На бильярде в Доме офицеров играл, – бухнул честный Антон. Готовившийся за соседним столом староста группы с чувством постучал себя по лбу.

– На биль?. . . – Суханов не сразу осознал услышанное. А когда осознал, произошло удивительное: он захохотал. Насмерть напугав всех в аудитории. Потому что смеяться он не умел вовсе, – вместо смеха раздался отрывистый лай. Да и мышцы лица оказались не приспособлены к соответствующим сокращениям, – разве что десны еще втянулись да на воспаленных глазах выступила скупая влага, – Суханов веселился внутриутробно. Длинным, как карандаш, пальцем он смахнул слезинку. – И – как?

– Третье место держу. Кий подарили.

– О! Персональный кий, – Суханов завистливо причмокнул. – Стало быть, не уронил честь факультета? А вы, как погляжу, занятный.

– Вы тоже, – Антону начал нравиться нестандартный «сухарь».

За разговором о футболе, о рыбалке время летело незаметно. Среди студентов обозначилось некое нетерпеливое шуршание.

– Может, я начну отвечать? – спохватился Антон.

– А зачем? Идите, – Суханов с видимой неохотой оторвался от приятной беседы, вернул Негрустуву зачетку и, склонившись над ведомостью, вывел загогулистую двойку.

– В смысле?.. Я ж готов к ответу, – не веря глазам, Антон тряхнул исписанные листы.

– Это вряд ли. Как вы можете быть готовы, если ни разу не посещали мои лекции? Идите и – учите.

– А зачем собственно я должен время терять?! – взъелся Антон, понявший, что всё это время его держали за клоуна. – Добро бы была настоящая наука.

– То есть для вас земельное право недостаточно научно? – тихо прошелестел Григорий Александрович, наливаясь желчью.

Со старостой сделалось нехорошо. Он обхватил голову руками и в страхе затряс головой. Желчь Суханова, если уж выплескивалась, заливала всех поблизости.

– Какая ж это наука? – Антон пренебрежительно встретил пронизывающий взгляд. – Даже земельного кадастра до сих пор не удосужились завести. А без земельного кадастра оценить землю невозможно. Все едино получается, – что чернозем, что суглинок. Одна цена тундре и Красной площади. Так на хрена ж мне это пустословие? Лучше уж шара загнать. От борта в середину. Там без всякого кадастра, один грунт на всех, – сукно.

Зелёный от злости, он вышел из аудитории. Ошарашенный Суханов проводил его недобрым взглядом. И, разумеется, оставшихся посек мигом.

В сентябре на повторном экзамене не было и тени того благодушного профессора, какого увидел Антон впервые. И хоть к экзамену в этот раз он подготовился еще более основательно, Суханов без малейших сантиментов в течение пяти минут дополнительными вопросами загонял его по бортам и в довершение с хрустом всадил в лузу, – отправил на переэкзаменовочную комиссию, а значит, на отчисление.

В том, что этим всё закончится, Антон больше не сомневался, – о мстительности Суханова говорили даже преподаватели с других кафедр, пытавшиеся походатайствовать за пытливого студента. Заступничества Суханов отмел с обычной желчностью. Услышав от очередного просителя, что Негрустуев действительно несколько уперт, но – зато многогранен, он без промедления согласился: «Да, знаю: на бильярде играет». Судьба Антона Негрустиева казалась предрешенной.

Впрочем Антон предполагал, что за сухановской неуступчивостью кроется другая, более серьезная причина.

Последним летом, будучи в стройотряде, он случайно узнал об истории, приключившейся за два года до того и до сих пор с возмущением обсуждавшейся среди студентов. В тот год решением штаба ССО² со всех отрядов были собраны деньги на памятник студентам, погибшим в Великую Отечественную войну. Деньги университетского отряда, командиром которого значился старший преподаватель истории КПСС Сергеечев, до штабной кассы не дошли.

По возвращении Антон разыскал Сергеечева и вежливо задал один, совершенно невинный, как ему казалось, вопрос, кто именно и когда передал собранные на памятник деньги в кассу.

Сергеечев от неожиданности вспотел. Заговорил о святых, которые не следует лапать грязными руками. О бессовестных клеветниках-завистниках. Другими словами, по мнению Антона, погнал дурь.

Тем же вечером Антон написал заявление в милицию. А уже через неделю Суханов завалил его на повторном экзамене и отправил на комиссию.

Антон увязал одно с другим. О заявлении в милицию стало известно. Должно быть, деканат решил прикрыть вороватого преподавателя, дабы тень не была брошена на весь факультет, и избавиться от студента, посмеявшего вынести сор из избы. Выгнанный за неуспеваемость клеветник – совсем не то, что бескорыстный правдолюбец. А стало быть, начальник кафедры земельного права наверняка выполняет волю деканата.

Так это виделось Антону.

* * *

Антон, читавший на кровати, прислушался: кто-то потянул на себя щелистую входную дверь. Недавно смазанная, она не закрипела, но надсадно вздохнула и – неохотно подалась.

Визитер принялся спускаться по крутой пахучей лестнице, стараясь не шуметь и от того грохаясь то о коромысло, то о подвешенное жестяное, невиданной гулкости корыто, отлитое, видно, каким-нибудь колокольных дел умельцем. По этому гулу, да еще по мату, Антон безошибочно определил, что в гости к нему пожаловал Иван Листопад.

За три года, прошедшие после поездки в колхоз, Антон сильно изменился. На смену пленившей Ивана мальчишеской восторженности пришла пытливая недоверчивость. Впрочем, насмешливый с другими, на Ивана он смотрел с прежним обожанием, охотно уступая лидер-

² «студенческие строительные отряды»

ство в их отношениях. Но в нем все время оставалось недоступное даже для лучшего друга пространство. И овладеть полностью его душой, вечно погруженной в какие-то свои глубинные проблемы, Листопаду не удавалось. Это Ивана раздражало, но и притягивало. И это же крепило их дружбу.

Третьей в их компании нередко оказывалась Вика. Втроем им тоже было хорошо и весело. Потому что образовался идеальный равнобедренный треугольник. Вику и Антона объединяло восхищение великолепным Иваном. Он же, подпитываемый их обожанием, без усталости отмачивал все новые хохмы и розыгрыши, от которых оба ухахатывались.

Распахнув нижнюю дверь, Листопад оказался в подвальчике. В нос ударил вкусный хлебный аромат, – на печке сушились недоеденные ржаные корки.

– Говорят, ты земельное право за науку не считаешь? – вместо приветствия пророкотал Иван, зачерпнув с протвения горсть.

– Донесли уже, – поскущел Антон.

– Слушай, а вообще наука для тебя существует? – Листопад вновь запустил лапу в сухари.

– Конечно. Я, к примеру, сейчас философией и политэкономией увлекся. Вот где масштабы.

Иван склонился над стопкой книг. Кант, Сенека, Фейербах и даже Каутский и Плеханов. Отдельно – пара Лениных, ошетилившихся закладками. Канта и Сенеку Иван равнодушно пропустил. Но закладки в Ильиче и особенно Каутский с Плехановым испугали нешуточно.

– Где достал?

– Старуха-дворянка в флигельке поблизости доживает. Пользуюсь, пока наследники окоянные окончательно библиотеку не рассвистали.

– Оно тебе надо? – Иван с раздражением повертел потрепанный, дореволюционного издания томик.

– Размышляю я, Ванюша. Вот тот же Ленин Каутского ренегатом клеймит, Троцкого – иудушкой, Плеханову от него перепало. Так ты дай мне их в подлиннике. Самому пощупать. Может, я после этого из всех вас самым правоверным стану. Но – чтоб сначала через мозги пропустить. А меня на семинаре за это сектантом обзвали, – Антон в негодовании вздохнул шевелюру.

– Удивительно, шо до сих пор не выгнали, – Листопад запустил в рот очередную горсть. – Усвой один нехитрый совет: нельзя в жизни всё на зуб пробовать – дерьмом объешься. Понял?

– Нет.

– Вот потому и нажухешься его полной мерой.

Иван зыркнул на часы. Заторопился:

– Ладно, после помозгуем, на какой кобыле твоего Суханова объехать. На бюро райкома опаздываю. Такое занудство, – по три часа воздух перемалывать.

После защиты диссертации Иван вернулся в Перцовский сельхозвуз. Верный слову, данному дядьке, он развернул бурную общественную деятельность и вскорости как молодой перспективный доцент оказался во главе институтского комитета комсомола, а как секретарь крупнейшей первичной организации был избран в состав бюро райкома ВЛКСМ.

– Я тебе, кстати, говорил, что секретарем райкома комсомола у нас Непомнящий? – припомнил он.

– Какой еще?...? Вадичка?! – Антон аж подлетел над кроватью. – Вадичка в комсомоле?!!

– Был Вадичка, да весь вышел. Вадима Кирилловича не желаете? Таким фарисеем заделался, такого патриотизму развел, шо духан аж на километр вокруг. Обещал дядьке по общественной линии поднапрячься, но – чувствую, – на пределе!

Иван механически ссыпал последние крошки в пасть. Спыхватился.

– У тебя жрать-то есть чего?

– Больше нет, – Антон проследил за движением его ладони.

Смущенный Листопад заглянул в тети Пашину кухонку. Увы! Холодильник оказался пуст, а на опрятном столике стояло блюдо со сгорбившимся потным куском голландского сыра, на котором сидела муха. При виде гостя муха поднялась и кокетливо закружилась вокруг, – должно быть, соскучилась в одиночестве.

– Ништяк, Ваня, прорвемся, – успокоил его совесть Антон. – Я в стройотряде подзаработал. На днях выплатят. Так что на ближайшие пару недель хватит.

Строить более долгосрочные планы в преддверии экзамена на отчисление Антону казалось бессмыслицей.

Наш паровоз, вперед лети

Если бы три года назад кто-то сказал Вадичке Непомнящему, что его ждет карьера комсомольского функционера, наверняка схлопотал бы в ответ что-нибудь отвязно – раскудрявое.

Но события в колхозе имени Товарища Лопе де Вега заставили передумать многое. Тогда после бегства Листопада и Негрустуева сутки проблуждал он в окрестностях Завалихи, трясясь от озноба и не смея вернуться в деревню.

В жестоких Листопадовых словах о том, что никому он не нужен, Вадичка углядел главную правду, – не нужен такой, как сейчас, – открытый и искренний. Честный даже в подлости. Хотя что значит «подлость»? На самом деле – та же «честность». Да, он сказал то, что думал: «В минуту опасности надо спасать себя». Но другие-то, не сказав, сделают то же самое. Такой Вадичка остался брошенным и беззащитным. А быть беззащитным оказалось очень неудобно.

Он слыл своим в мире искусства. Мог позвонить знаменитому на весь Союз актеру, чтобы тот оставил ему контрамарку на премьеру, или вместе с модным поэтом войти в зал на его творческий вечер. Вадичку знали, Вадичке не отказывали. «Ты нашей крови», – снисходительно говорили ему, и он этим гордился.

Когда отец упрекал его в связях с богемным отребьем, Вадичка отбрылся: «Да последний спившийся актерешка выше по духу твоих партийных холуев.»

И вот теперь оказалось, что признание всех этих людей, перед которыми он заискивал, по жизни ничего не стоит. В минуту реальной опасности никто из них не имел ни власти, ни влияния помочь ему.

А вот отцовские друзья вызволить его из беды могли бы влегкую, одним поднятием телефонной трубки. И ведь в сущности, если задуматься, эти люди немногим отличались от него самого, – такие же корыстные и похотливые. Просто то, что он делал демонстративно, у всех на виду, и это осудительно называлось безнравственностью, другие делали втихаря. И это называлось умением соблюсти правила приличия. То есть они получали то же, что он, оставаясь при этом неуязвимыми.

Увязая по щиколотку в заболоченной осоке, Вадичка осознал, что право безнаказанно топтать других, чего ему сейчас до зубовного скрежета хотелось, необходимо заслужить, и единственный способ для этого – встроиться во властную вертикаль, беспощадно карающую чужих и снисходительную к слабостям тех, кто внутри иерархии. Он не утратил презрения к отцовскому окружению, но иного способа возвыситься над стадной моралью, как стать одним из них, не видел.

Желаете получить Вадичку – лицемера? Так он у нас есть!

По возвращении из колхоза Вадичка отправился с повинной к отцу. Непомнящий-старший не сразу поверил внезапной перемене в непутевом сыне, но на всякий случай дал шанс – отправил инструктором в сельский райком комсомола. И не прогадал.

На удивление легко шалый и отвязный Вадичка преобразился в деловитого Вадима Кирилловича. Не чуждого человеческих страстей, но – контролируемых, не доводимых до кипения. Куртчонку и привычку шланговаться по кабакам он сменил на строгий костюм и тихие радости с активистками на комсомольских семинарах. Поначалу, правда, он чувствовал внутри какую-то раздвоенность. В нем словно поселились два человека. Прежний, Вадичка, нового, Вадима, не уважал и при встречах не раскланивался. Впрочем прежнего становилось всё меньше, а второго всё больше. Вадим ощутил вкус к административной работе и даже почувствовал некий спортивный азарт в стремлении продвинуться по служебной лестнице. Непомнящий-старший не мог нарадоваться удивительной перемене в сыне и, само собой, не оставил его покровительством.

Полгода инструктором сельского райкома комсомола, далее – областной штаб студенческих стройотрядов, а оттуда, – назначение первым секретарем Пригородного райкома ВЛКСМ. И это разохотившемуся Вадиму виделось только стартом. Вскорости ожидался перевод его заведомо обкома с перспективой на секретаря по идеологии. Такой живенькой карьеры комсомол давно не знал.

Но тут звезды, дотоле благоприятствовавшие Вадиму Непомнящему, переменились. При Черненко отца внезапно перевели за Урал – с понижением. И те, кто еще вчера норовили подставить руки под пухлый Вадичкин зад, тужась приподнять его повыше, сегодня не то чтобы вовсе отшатнулись, но – как бы чуть-чуть отодвинулись в сторону.

Как-то сама собой между ним и окружающими возникла легкая отстраненность, как бывает при общении с подхватившим инфекцию. Когда в разговоре больного громко уверяют, что выглядит он совершенно здоровым, но при этом слегка отворачиваются, дабы не заразиться.

Выход подсказал Непомнящий-старший. Близился Всесоюзный съезд ВЛКСМ. Если пробиться на него делегатом, то затем, с помощью отцовских связей, можно будет, не возвращаясь в Тверь, перевестись в Москву. А это перспективы нового, куда более высокого взлета.

На днях на базе Пригородного райкома комсомола должен начаться выездной учебный семинар для областного молодежного актива. Мероприятие это значилось среди наиважнейших, на которых присутствуют первые лица.

В случае успеха Вадиму Непомнящему было обещано заветное делегатство. Потому организацию семинара Вадим взял под личный контроль и, отложив в сторону всё остальное, скрупулезно перепроверял последние протокольные детали, вплоть до качества галстуков на участниках пионерского приветствия. Детали – именно на них засыпаются разведчики и партийные функционеры. А засыпаться Вадим не хотел.

Оставалось согласовать план в райкоме КПСС.

За этим Вадим отправился на второй, «партийный» этаж к секретарю по идеологии Таисии Павловне Шихулиной. Шел, невольно робея, – желчную Таисию Павловну заглазно величали серым кардиналом района.

Вадим деликатно просунул нос в кабинет – в расчете, что будет замечен.

– А, комсомол... Что мнешься под дверью? – в обычной, резкой, обманчиво-добродушной манере отреагировала Таисия Павловна. – Комсомол должен не просачиваться, а – врываться. Вы же носители свежих идей. Вам знамя наше по жизни нести.

Она сделала приглашающий жест.

Уже по этой фразе, а главное, по победительности тона, более уместного на трибуне, Вадим безошибочно определил, что Шихулина в кабинете не одна. И произносится всё это не столько для него, сколько для скрытого за дверью собеседника.

В самом деле, напротив Таисии Павловны, отодвинутый от нее огромным столом для заседаний, на кончике стула примостился плешивый мужичонка, в котором Вадим не без труда узнал главного инженера Областной конторы по охране и реставрации памятников.

Главный инженер сидел, сторбившись так, что едва возвышался над полированным столом, и все-таки норовил сползти еще ниже.

– Ты мне голову-то не отводи! – Шихулина с аппетитом продолжила начальственный разнос. – Развел у себя в конторе дармоедов... Да если б мы в райкоме так работали, нас бы давно разогнали!

– Главный инженер приподнял голову. Но тут же поспешно пригнулся.

– И не надо сомнительными поэтами прикрываться. Усадьбу Анненского они, видите ли, надумали реставрировать... – она кивнула Вадиму, и тот, хоть и не понял, о чем речь, на всякий случай осуждающе нахмурился. – У меня у самой дача какой год не достроена. А вот кто за святым следить будет?! Это я тебе про памятники Владимиру Ильичу Ленину! В области

этих Лениных под двести штук. Только в нашем районе полтора десятка. И что вы с ними, с Лениными, сделали? Глазенки им краской позамазали, ротки позалепили, носики позатерли. Ленины на Лениных не похожи. И не узнаешь, кто перед тобой: то ли основатель первого в мире социалистического государства, то ли Фантомас.

Здесь Таисия Павловна была права. Памятники вождю революции возвышались в каждом районном и поселковом центре. Ухаживали за ними с тем же тщанием, с каким идолопоклонники присматривали за тотемами. Уход выражался прежде всего в регулярной чистке от грязи и помета, – голуби и вороны использовали крутую лысину и плечи вождя как взлетно-посадочную площадку. Кроме того, перед каждым праздником памятник полагалось обновлять, то есть заново красить. Так что на некоторых бюстах и впрямь накапливалось до двадцати-тридцати слоев краски, изменявших облик вождей до неузнаваемости. Причем коллер отпускался все время разный, и Ленины соответственно то и дело меняли окрас. Можно было запросто найти и красных, и бордовых, и даже фиолетовых вождей. Под глазами у многих Ильичей от бесчисленных потеков образовались синюшные опойные бугры.

Впрочем советский человек кого-кого, а Ильичей узнавал сразу и безошибочно, даже не вглядываясь, по особому, занимаемому в иерархии памятников месту – они устанавливались на центральных площадях, повернутые указующим перстом к зданиям местных советско-партийных органов.

Причем тыкать пальцем в обкомы и райкомы дозволялось только и исключительно основоположнику государства. Ни от кого другого подобной фамильярности советская власть не терпела. Скажем, некоторые заслуги перед человечеством имел также Александр Сергеевич Пушкин. Конечно, не такие как у Ленина. Но все-таки кое-что накопилось. Потому по количеству памятников Сергеичи шли следом за Ильичами. Однако признание признанием, но и забываться не следует.

В Твери, например, в зеленом скверике на высоком постаменте, обратившись лицом к Волге и склонив курчавую голову, многие годы простоял Александр Сергеевич Пушкин. Мамы катали мимо коляски, на скамейках тихо читали пенсионеры. Текла Волга, менялись поколения. А он, не обращая внимания на людскую суету, задумчиво устремил окаменелый свой взор на водную гладь. Ну, задумался и задумался. Мало ли о чем имеет право призадуматься законенный патриарх российской словесности.

Но затем на противоположной стороне улицы возвели десятиэтажное здание обкома КПСС, отгородившее поэта от реки. И по городу пошли нехорошие разговоры. К памятнику зачастили странные люди с клочковатыми бородами, начали группками собираться возле него студенты. А однажды после заселения в новый дом секретарь обкома партии Непомнящий выглянул в окно и наткнулся на осуждающий взгляд угрюмо набычившегося Пушкина. Секретарю сделалось зябко.

За ночь поэт-диссидент был демонтирован и вывезен в неизвестном направлении. Скульптору повезло больше – успел умереть. А на готовом постаменте водрузили стелу – в знак дружбы с городом-побратимом Капошваром...

– В общем еще раз приеду в район и не узнаю Ленина, всю вашу шоблу отправлю красить текстильную фабрику. Ступай пока! – с некоторым разочарованием от безропотности распекаемого закончила Шикулина.

Главный инженер торопливо поднялся, подхватил потертый портфель и облегченно прошмыгнул мимо сидящего у двери Вадима, обдав того запахом острого пота.

– Дармоеды! – в спину произнесла Шикулина и подобрела лицом, как бы отгородив этим словом и себя, и комсомольского вожака. Уже не суровая хранительница устоев, карающая нерадивых, сидела за столом – на Вадима смотрела строгая мать-наставница, способная пожурить, но и подпереть плечом.

– Принес для согласования документы по семинару, – Вадим положил перед Шихулиной утвержденный на бюро план.

– Присядь! – властно хмурясь, приказала Шихулина. – Мне на днях Кирилл Кириллович звонил. Просил поддержать твою кандидатуру в качестве делегата от района на съезд ВЛКСМ. Пообещала. Райком партии тобой доволен. Правда, имеются и сомневающиеся.

Таисия Павловна приподняла всезнающую бровь.

– Но, думаю, сумею тебя отстоять.

– Спасибо.

– Спасибой не прокормишься. Делом доказывай, – Таисия Павловна подтянула к себе план семинара, вписала от руки несколько строк. – Москва планирует приурочить к XX съезду ВЛКСМ всесоюзную выставку молодых художников «Молодость страны». Нам поручено отобрать лучшие областные произведения. С Союзом художников я договорилась – конкурс будет проведен прямо на турбазе, во время семинара. Для тебя это дополнительный шанс. Организуешь всё на достойном уровне – заткнешь рот недругам, и, считай, место на съезде твоё. Так что – расстарайся. Да, на встречу почетных гостей посади двух инструкторов: Маргелова, нахальный такой, и непременно еврейчика своего.

– Эрлихмана?

– Вот-вот. Тут у тебя очень выигрышный момент.

Вадим самодовольно прищурился. Вообще-то он был убежден, что всякий нормальный человек в душе чуть-чуть антисемит. И интеллигентный человек отличается от других прежде всего умением это чувство скрывать. Сам Непомнящий научился скрывать преискуснейше. Проявления антисемитизма в райкоме он искоренил даже в мелочах. Более того, инструктор орготдела Григорий Эрлихман выступал своего рода полигоном, на котором шлифовался интернационализм райкомовских работников.

В комсомоле, например, истари утвердилось панибратски уважительное обращение друг к другу по отчеству – «Дмитрич», «Анатольич». Это было и удобно, и прозорливо. Если какой-нибудь Анатолич приподнимался над другими по служебной лестнице, наутро он совершенно естественно превращался в, допустим, Сергея Анатольевича. Так вот, к Григорию Эрлихману, единственному, даже в официальной обстановке, обращались по имени. Душевно тонкие сослуживцы старательно избегали отчества – «Лейбович», – дабы тем самым не обидеть товарища.

Единственным, кто позволял себе недружелюбные выпады против Эрлихмана, был Валентин Маргелов.

Выросший в потомственной пролетарской среде, Маргелов был стихийным, неприкрытым антисемитом.

Впрочем, в руководителе главное – умение отделять существенное от частного. Существенным же было то, что оба – и выходец из семьи еврейского портного, и сын машиниста козлового крана – не имели других покровителей, кроме Вадима, а потому на их личную преданность Непомнящий вполне мог рассчитывать.

К тому же удачно дополняли друг друга: Маргелов был инициативен, но бестолков. Эрлихман – толков, но безынициативен. Вместе они составляли идеальную связку.

– Демонстрацию дружбы народов обеспечу, – с тонкой улыбкой пообещал Вадим.

– Кстати, не забудь, – остановила его в дверях Таисия Павловна. – На семинаре должны в обязательном порядке присутствовать все члены райкома комсомола.

– Раз надо, будут, – понурился Вадим.

Когда Непомнящий принял Пригородный райком комсомола, его ожидал неприятный сюрприз – членом бюро оказался не кто иной, как окаянный Листопад.

На первом же бюро насмешливый доцент, на кончике языка которого всегда сидел черт, едва не порушил вчистую авторитет нового секретаря, принявшись вспоминать о его шкодах в колхозе имени товарища Лопе де Вега.

По инициативе Непомнящего, высокие стороны встретились на нейтральной территории – в ресторане «Селигер» – и вступили в переговоры о принципах дальнейшего сосуществования. Вадим предложил, забыв старое, заключить договор о дружбе и взаимопомощи: мол, помогаем друг дружке двигаться вверх каждый по своей линии. Листопад осторожно склонился к вооруженному нейтралитету – приглядимся. В конце концов, после двух «Столичных» сошлись на пакте о ненападении. То есть Листопад не посягает на авторитет Непомнящего, а Непомнящий, в свою очередь, закрывает глаза на то, что секретарь крупнейшей комсомольской организации то и дело игнорирует заседания райкома.

Но договоренности договоренностями, а что может выкинуть непредсказуемый скандалист в присутствии высокого начальства, оставалось только догадываться. Вадим зябко поёжился.

Свободу Анджеле Дэвис!

Комсомольский семинар был организован на территории туристической базы «Орлик». Руководство турбазы освободило под молодежный актив два одноэтажных барака с комнатами на пять-шесть человек, – дабы были под постоянным приглядом. Для высоких гостей, само собой, подготовили отдельные домики.

* * *

К тому времени, когда первый секретарь Пригородного райкома комсомола Непомнящий прибыл в «Орлик», над притихшей вечерней турбазой громыхала развеселая похабная песнь: «Ему девки говорили». В хоре разудалых голосов Вадим с беспокойством распознал рев Листопада.

– Он самый, – услужливо подтвердил Маргелов. – С час как горланит. Самовольно занял мансарду. Девочек с собой привез: мало того, что Викторию, так еще и Нинку из ресторана прихватил. Многие товарищи из отдаленных районов недоумевают. Узнал, что у нас по плану митинг намечен, так заявил, что сам проведет.

– А почему не поставили на место? Где члены бюро?

– Они как раз пошли разбираться, – Маргелов глянул на часы. Смутился. – Часа два уж. Главное, ведь всё на глазах. Престиж как бы. Да и Шихулина с Балахниным уже подъехали. Как бы конфуза не вышло... Ой, не у них ли?!

Вадим встревоженно обернулся, – над отдаленной частью турбазы поднимался клуб дыма.

Когда Вадим подбежал к горящей мансарде, под балконом уже столпилось человек пятьдесят отдыхающих. И еще продолжали подтягиваться. Соблазненные дармовыми путевками, они день за днем неприкаянно бродили в сырых штормовках по заваленным гниющими листьями аллеям. По вечерам в промозглом летнем клубе внимали со слабыми улыбками осипшему сторублевому массовику-затейнику или дремали в холлах у сломанных телевизоров. А возбуждались лишь три раза в день: при обсуждении незатейливого меню. И с нетерпением ожидали часа возвращения в родные места, откуда их в директивном порядке «соскребли» по трем нищим нечерноземным областям. Пожар на турбазе стал неожиданным, бонусным развлечением.

– Надо бы пожарную вызвать, – лениво предложил кто-то.

На задымленном крыльце показался Иван Листопад.

– Граждане! – громыхнул он. – Прошу сохранять спокойствие. Усилиями героического комсомола пожар, грозивший уничтожить родную турбазу, предотвращен!

Человек на балконе нагнулся, поднял на вытянутых руках широкий металлический диск от штанги, так что огонь оказался у него над головой, и эффектно стряхнул тлеющее месиво вниз – на залитый лужами асфальт.

– От звонари! – разочаровались внизу, поняв, что трупов в огне не дожидаться. – Пошли отсюда.

Но Иван, не давая разойтись, выбросил вверх раскрытую ладонь.

– Дорогие товарищи, – зычным, подрагивающим голосом выкрикнул он. – Сейчас, в позднюю распутицу, миллионы советских граждан, прервав ударный труд на стройках пятилетки, разъехались на заслуженный отдых по бескрайним просторам нашей Родины. Кто в Ялту, кто в Сочи. Вам выпала удача отдыхать здесь.

В толпе обреченно вздохнули.

– Но я вас спрашиваю: можем ли мы, счастливые советские люди, равнодушно смотреть, как на Западе грубо попираются права человека? Или, потушив маленький пожарчик, – он ткнул в дотлевающие ошметки, – будем считать, что погасили бушующее пламя, разжигаемое империалистическими агрессорами?

Вадим, приподнявшись на носки, увидел в глубине мансарды, за спиной Листопада, глумливые лица членов бюро райкома. Он принялся опасливо оглядывать толпу.

– Доживают в индейских резервациях последние из могижан, гибнут преследуемые куклуксклановцами негры! – гремел меж тем воодушевившийся вития. – Пентагон плотоядно поигрывает волосатыми лапами по ядерным клавишам! В застенках США томится Андже́ла Дэвис, женщина черной кожи, поднявшая свой голос против расизма. И что, мы останемся в стороне?

Иван сделал паузу. Внизу озадаченно молчали.

– Нет, не останемся! – разрешил все сомнения Листопад. – Закордонные голоса уверяют, что у них, мол, лучше жизнь. Зато у нас лучше строй! – он победно припечатал перила. – Империализм не пройдет, товарищи! Свободу Андже́ле Дэвис! Свободу калифорнийской патриотке! Сво-бо-ду! Сво-бо!.. Ну, товарищи, или – вы не советские люди? Вместе! Сво-бо-ду! Сво!.. – он энергично задирижировал руками.

Собравшиеся были советскими людьми и потому сначала робко, по одному, озираясь неуверенно друг на друга, а потом и дружнее, принялись выкрикивать вслед за оратором: «Сво-бо-ду!».

Непомнящий меж тем разглядел среди собравшихся, чуть в сторонке, двух человек, при виде которых ему сделалось дурно.

– Попрут. Непременно попрут. И – папаша не выручит, – пробормотал он.

Вадим пулей взлетел на балкон и попытался затолкать вошедшего в раж Листопада внутрь комнаты.

– А шо там попусту сотрясать воздух?! – Листопад отодвинул Вадима, взмахом руки установил тишину. В нем бушевало вдохновение на грани восторга, – он управлял толпой. – Предлагаю сию же минуту составить петицию протеста против заточения Андже́лы Дэвис и от имени отдыхающих турбазы «Орлик» направить в американское посольство. Нас поддержат все люди доброй воли!

Теперь вместе с Непомнящим Листопада оттягивали другие члены бюро.

– Прервись же! – задыхаясь, умолял Вадим. – Важное скажу! Срочно!

Листопад неохотно отступил в мансарду, победно оглядел шевелящего губами Вадима.

– Мы на ящик водки побились, что я митинг организую, – гордо сообщил Листопад. – А шо, комсомолия, может, и впрямь запустим почин? Грохнем по Вашингтону петицией? Пускай почешутся. А то живут, падлы, на всем готовеньком. Давай, Вадичка, на что-нибудь помажемся, шо соберу не меньше пятидесяти подписей.

– Зачем так много? – к тяжело дышащему Вадиму вернулся голос. – Ты вон того дядю уговори.

В стороне у сосны задумчиво стоял рослый мужчина в натянутом на плечах плаще и полощущемся на ветру галстук.

– Не узнаешь? Это Балахнин. На минуточку – Первый секретарь обкома комсомола.

– Серьезно? – Листопад озадаченно хмыкнул.

– И вон на ту тетю глянь, – Вадим показал на сухопарую сорокалетнюю женщину, что как раз подошла к Балахнину. Ухватив его за лацкан пиджака, она что-то гневно, не сдерживаясь, «рубилла», тыча пальцем в сторону балкона. – Шикулина Таисия Павловна, секретарь райкома КПСС по идеологии. Подъехали на семинар. Как раз вовремя, чтоб оценить ваш успех, Иван Андреевич. Знаете, что бывает за несанкционированный митинг? И остальным хохмачам мало не покажется.

Он с ненавистью оглядел перепуганных членов бюро, не помышлявших зайти так далеко. Натолкнулся взглядом на Вику, судорожно сглотнул, – кажется, она стала еще красивей.

– Был бы ты один, Листопад, то и гори ты огнем. Даже не пожалел бы, – не скрываясь, признался Вадичка. – Но ты ж весь райком втянул. И что теперь прикажешь делать?

– Чего ж не предупредили, что начальство понаедет? Думал, обычный межсобойчик, – Листопад ощутил в себе страх. А себя, трусящего, он не любил. Решительно встряхнулся. – Главное правило полководца: когда не успеваешь втихаря смыться, прорывайся сквозь строй. А ну, прочь с дороги, книжники и фарисеи! Меня ждут влюбленные массы!

Он шагнул на балкон, под которым гудели, не решаясь разойтись, полные тревожного томления люди.

– Товарищи! – голос, которому они начали привыкать повиноваться, разом установил выжидательную тишину. – Предлагаю митинг, посвященный подписанию петиции в поддержку Анджелы Дэвис, считать открытым!

Вадим тихо заскулил, буравя висок указательным пальцем.

– Слово для выступления предоставляется секретарю обкома комсомола товарищу Балахнину. Попросим! – прогремел Иван и первым зааплодировал, понуждая хлопать и остальных.

Человек у сосны вздрогнул, внимательно присмотрелся к оратору, который продолжал упоенно колотить в ладоши, движениями подбородка подбадривая остальных. Наконец усмехнулся и грузно, по загудевшей под тяжелым телом лестнице взошел на балкончик. Аплодисменты резко усилились и даже сделались вдохновенными. Присутствие ответственного лица принесло всем заметное облегчение, поскольку разом переводило происходящее из разряда несанкционированных сумасбродств в ранг официального мероприятия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.